

Иван Хлюпов

Соло
на Витгенштейне

18+

Анатолий Белоусов

Соло на Витгенштейне. Сборник

«Автор»

2023

Белоусов А.

Соло на Витгенштейне. Сборник / А. Белоусов — «Автор», 2023

«Соло на Витгенштейне» – авторский сборник, включающий в себя шесть рассказов, повесть и подборку юмористических миниатюр. За смешной формой они скрывают в себе глубинные смыслы, оказываются многослойными и многогранными калейдоскопами, в которых интеллектуальный читатель может видеть великое множество самых разнообразных толкований (подсказкой или ключиком к таким толкованиям являются эпиграфы каждого из рассказов). «Соло на Витгенштейне» является аллюзией знаменитого довлатовского «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM». При чем же здесь немецкий философ Людвиг Витгенштейн? Ответ дается в эпиграфе к произведению, где герой фильма Дерек Джармена сожалеет о том, что не имеет достаточного чувства юмора, чтобы воплотить в жизнь свою самую заветную мечту – сочинить философский труд, который целиком состоял бы из одних лишь шуток. Похоже, Ивану Хлюпову, в отличие от Людвиг Витгенштейна это все-таки удалось сделать...

© Белоусов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

К читателю	6
Притчи	8
Слово	8
Эксперимент	13
Кометы	27
Пандора	37
Избранник	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Белоусов

Соло на Витгенштейне. Сборник

*...Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль?..*

А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

*Все, что ты в мире изучил, – ничто!
Все, что слышал и говорил, – ничто!
И все, чему свидетель был, – ничто!
Все, что так дорого купил, – ничто!*

Омар Хайям

К читателю

...Шум дождя...

Настольная лампа на стуле рядом с кроватью, записная книжка и карандаш, маленький диктофон... Какая-то усталость, и даже апатия. Рукописью я не доволен. Не знаю даже, стоит ли мне вообще писать дальше, мое ли это – заниматься литературным творчеством?..

Что видно вокруг? Мышиная возня, лишенная смысла; семья наркоманов в квартире напротив; жажда власти и денег, насилия и телесных удовольствий... Некоторые пытаются убежать от этого в объятия не принимающего даров и ненавистного даже богам Танатоса, иные отправляются в путешествие по виртуальной реальности Всемирной паутины, затягивающей их все глубже и глубже...

Проблемы общей бездуховности современного общества, утрата отдельным человеком смысла жизни. И совершенно нелепые попытки излечить болезнь Духа при помощи материальных, социально-бытовых или идеологических средств. То, что видно вокруг, – трагедия Индивидуальности, преодолеть которую представляется возможным лишь на том же, индивидуально-духовном, уровне.

Не в этом ли и состоит одна из функций Книги: дать человеку смысл, силу, новые ориентиры? Не бегство от реальности в область Мифа или бесконтрольного галлюцинирования, но расширение границ восприятия Жизни при помощи **п о н и м а н и я**, то есть проникновения в область бессознательного с целью сделать его частью Сознания!

Достоевский как-то заметил: «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему». Умный был мужик Достоевский. Хоть и жил лет сто с хвостиком тому назад. Или кто-то хочет с этим поспорить?..

Вот и получается, дорогой Читатель (как-то так, само собой), что перед Тобой оказалась Книга, содержащая в себе бесценное Знание, то есть Истину, выраженную при помощи знаков и символов. Приобретая ее, ты обретаешь ВСЁ – новое мировоззрение, понимание основных процессов и законов мироздания, а как следствие – удачу, счастье, внутреннюю гармонию и душевный покой.

Правда, с одним условием: Книгу нужно понять! И сделать это необходимо самостоятельно, пробиваясь к Ясности и Силе без посторонней помощи, иначе Знание ничего не будет стоить. Как автор, я не имею права навязывать тебе ни ту картину Мира, какой ее видит наше общество, ни тот Мир, каким его вижу сам. Я просто стираю «фокус» между Объективным и Субъективным. Сознание субъекта остается, но объективизируется, и наступает момент равновесия между Внешним и Внутренним. Не к этому ли стремится любая магия и не в таком ли состоянии становится возможным постижение «вещи в себе»?..

Наверное, прав был французский литературовед Ролан Барт. В современной литературе происходит то, что, нисколько не погрешив против истины, можно назвать «смертью автора». Автора, который точно знает, о чем именно он пишет. Текст начинает жить собственной жизнью, фокусируясь не в сознании его создателя, а в сознании читателя. Количество идей, порождаемых текстом, возрастает до бесконечности. Текст уже не говорит что-то одно, а содержит множество самых разнообразных смыслов, некоторые из которых остаются сокрытыми даже от самого автора. Так я ли **ЭТО** пишу?..

Жизненный опыт сбрасывает сомнения в мутные воды потопа. Весомое – канет, легкомысленное – всплывет... Передо мной глухой витраж из базальта. Да кто я такой, чтоб

прозревать, сквозь камень таращась?! Тенета мои качаются, руки мои пусты. Мне кажется, что я отдыхаю...

Стоп! Ну вот, опять. Ладно, хоть на сей раз могу вспомнить, откуда это. Придется начинать все сначала.

Шум дождя, настольная лампа, образы... Вот только... получится ли? Не знаю...

Иван Хлюпов.

Самс, июль 1999 г.

Притчи (рассказы Ивана Хлюпова)

10. И приступивши ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?

11. Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано;

12. Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет;

13. Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют...

Евангелие от Матфея, Гл. 13

Слово

В начале было Слово, и в Слове не было смысла, и в Смысле не было надобности...

Будильник звонил долго и упорно.

– Встаю. Иду, иду... Встаю, встаю... Сейчас... – то ли во сне, то ли вслух бормотал Сергей Николаевич.

Он натянул одеяло на голову и решил, что встанет сразу же, как только прекратится этот жуткий звон. Голос будильника сорвался, пошел волнами, потом закашлялся, сбился и, пару раз болезненно звякнув, затих совсем. Сергей Николаевич не шелохнулся. Он вскочил гораздо позже, когда маленькая стрелка застыла на восьми, а по «Маяку» пропикало семь.

– Проспал!.. – Он заметался по комнате в поисках брюк. – Проспал, черт ее побери!..

Дома никого не оказалось, и завтрак разогревать пришлось самому. Яичница вышла безвкусной, чай – вчерашним, а кусок шоколада, оставленный, по всей видимости, ему, был кем-то старательно обгрызен. «Без сомнения, Мисюнькина работа, – думал он, поправляя перед зеркалом галстук. – Маленькое чудовище...»

Схватив папку и на ходу застегивая пиджак, Сергей Николаевич вылетел из квартиры.

– Проспал-пропал, пропал-проспал и не туда попал... Влип!

Он спешил к трамвайной остановке.

– Вы что это? – спросил Сухощавый.

– Да ничего как будто, – удивился Сергей Николаевич. – Присаживайтесь, здесь не занято.

Он подвинулся, и Сухощавый, кивнув, уселся рядом. В репродукторе прохрипело, двери закрылись. Трамвай тронулся.

– В слове «тополь» у них две буквы «П» и всего одна «О», – совершенно не кстати объявил Сухощавый.

Сергей Николаевич сострадательно улыбнулся и попытался отгородиться газетой.

– Хотя, с другой стороны, у нас в слове «кофе» всего одна «Ф», а не две, как у них.

В голосе его звучало такое разочарование, что Сергею Николаевичу стало его жаль.

– Да не волнуйтесь вы так, – сказал он, складывая газету вчетверо и засовывая ее в дипломат, – это всего лишь слова.

– Слова, – согласился Сухощавый, – но какие!

Он многозначительно поднял указательный палец, и Сергей Николаевич с удивлением заметил, что палец этот оказался вдвое длиннее, чем ему положено было быть от природы.

– Слово, – продолжал Сухощавый, – выражает все Божественное могущество Отца. Оно вне всяких качеств, и Слово это – Сын Божий.

– Но-но-но! – Сергей Николаевич повысил голос. – Вы не больно-то! Слово слову рознь!

– Совершенно с вами согласен! – обрадовался Сухощавый, причем так громко, что на них удивленно оглянулись. – Здесь существует одно очень важное различие, – засипел он, понижая голос до шепота. – Произнесенное Слово несет в себе все, оно может выражаться и изменяться, но Слово произносимое неизменно и вечно, так как заключено в Слове выраженном и рождается непрерывно.

– Да, – согласился Сергей Николаевич, – духовный мир заключает в самом себе вечное начало.

А сам подумал: и зачем я разговариваю с этим психом?

– Вот именно! – гаркнул Сухощавый, и снова на них обернулись. – Все творение есть произнесенное Слово, в котором слышится Слово Живое и которое есть Сам Бог. Это Слово – душа творения.

– Да-да... – рассеянно поддакивал Сергей Николаевич.

Он вдруг вспомнил, что забыл пробить билет.

– Чего «да-да»? – обиделся Сухощавый. – Пошел ты к чертовой матери!

И он в негодовании покинул купе.

– Забавный малый, – глуповато улыбаясь, пробормотал Сергей Николаевич, обращаясь к мужчине, сидящему за столиком напротив. – Не в себе малость.

Он пошарил по карманам, заглянул в папку, но билета так и не обнаружил. Мужик напротив подозрительно пошмыгал носом, словно принимаясь к чему-то, утер соплю, но промолчал. «Вот наказание-то, – сокрушался Сергей Николаевич, – а если контролер поймает?..»

Не придумав ничего лучше, он вставил в компостер десятирублевую бумажку, пробил ее и начал пробираться к выходу. Поезд подъезжал к станции, в тамбуре уже толпились старухи с рюкзаками, узелками и чем-то вонючим.

– Слово, слово – врать здорово... – напевал Сергей Николаевич, нервно теребя в руке фальшивый билет.

Но и этим все не закончилось. Получилось так, что он ошибся станцией и слез на целую остановку раньше. А тут еще, как на грех, смеркаться начало. Город кончился, дома остались позади, и со всех сторон его обступил лес. Темный, высокий, зловещий. Лес казался живым существом. Существом грозным и чем-то недовольным.

– Раненый зверь, раненый зверь... – повторял Сергей Николаевич, закрывая голову папкой.

Очень скоро дорога зашла в тупик. Она просто-напросто уперлась в неприступную стену **тополей**, и свернуть с нее было некуда. Потоптавшись на месте и неизвестно кому отвесив нелепый поклон, Сергей Николаевич развернулся и зашагал обратно. А лес продолжал шуметь.

– Раненый зверь, раненый зверь... – бормотал Сергей Николаевич, стараясь глядеть только себе под ноги, – он мстит, раненый зверь...

– Как комар! – крикнул кто-то из чащи.

Сергея Николаевича охватила жуть. Он понял, что в лесу этом обитает Зло. Да, а слов там нет совершенно. Словно **отвечая** на его мысли, лес зашумел еще сильнее. Небо совсем заволочло тучами, и со всех сторон стали сбегаться Тени.

«А я вот что сделаю, – решил Сергей Николаевич, – пойду-ка я своей дорогой и не буду ни на что обращать внимания». Он спустился в подземный переход и, перебежав по нему на другую сторону улицы, оказался в безопасности.

– Словом убить можно, словом напугать можно, словом и излечить можно! – констатировал он, ставя свой дипломат на землю и усаживаясь на него верхом.

– Это верно, – отозвался проходящий мимо молодой человек. – А вот вы бы лучше скажи, который у нас теперь час.

– Пять минут.

– Это метафора?

– Нет, аллегория.

– Ну и на здоровье! – И молодой человек потопал дальше.

«На кого же он похож? – думал Сергей Николаевич. – Кого же он мне напомнил?..»

– Мат сплошной, и все не по существу, – воскликнули справа.

– Да сами вы дурак! – обиделся Сергей Николаевич и, взяв папку под мышку, направился в сторону Центральной площади.

«Тоже мне, умник выискался, – рассуждал он, безгласно обходя наваленные на тротуаре груды пожелтевших, невероятно истрепанных книг. – И вовсе интеллект зависит не от словарного запаса. От умения мыслить – вот от чего он зависит! Да-да, потому-то эти болтуны ничего и не могут: они болтают больше, чем **говорят**, свистят больше, чем дышат.

– А сами-то вы, Степан Данилыч? – с укоризной проскрипели справа.

Сергей Николаевич обернулся и увидел, что рядом с ним идет Сухощавый.

– Во-первых, я не Степан Данилович, а во-вторых...

– Это не важно, – перебил Сухощавый. – Вы ведь поняли, что я обращаюсь именно к вам.

– Да, но только потому, что больше здесь никого нет.

– А я? – обиделся Сухощавый.

– Вы? Ну не с самим же собой вы говорили.

– Нет, с вами и говорил.

– А почему же тогда называли меня каким-то Степаном Даниловичем?

– Да какая вам разница?! – Сухощавый остановился и досадливо топнул ногой. – Люди свои, сочтемся. Вы меня поняли, я вас понял, чего вам еще надо?

И тут Сергея Николаевича осенило. Он попросил Сухощавого постоять здесь минутку и никуда не уходить, а сам помчался в гастроном.

– Хлеб у вас есть? – спросил он продавщицу и уточнил: – Единый.

– Нет, **Едино́го** нету, – очень холодно и даже хамски.

– А что есть?

– А чего вам надо-то? – с усмешечкой.

– Еды надо.

– Нет, – удивленно, – еды нет...

Расплатившись, Сергей Николаевич вышел из магазина черным ходом. «Жуд» – вот какое **слово** занимало его теперь. Кто это или что это? Жадный еврей или недовитая змея? А какого оно цвета (...*желтого!*...) и как ассоциируется с «пенопластом»? Впрочем...

И тут прогремел гром.

Когда Сергей Николаевич открыл глаза, трамвай стоял на светофоре. Сухощавый по-прежнему сидел рядом, но вид у него был такой, словно он воды в рот набрал. Сергей Николаевич зевнул и достал из папки рукопись.

«Апельпост», – гласила первая страница, и Сергею Николаевичу представились апельсины. Дальше – больше: «Швах», «Шемхамфораш», «Хворапха» и какая-то «Рюха». В голове от всей этой мерзости зашумело. Сергей Николаевич захлопнул папку, искоса взглянул на Сухощавого и, когда трамвай остановился, поспешил сойти. Ни в какую редакцию он уже не собирался. Ему хотелось только одного – поскорее найти первую попавшуюся помойку и выбросить проклятую папку вместе с этим несчастным апельпостом к чертовой матери.

– Зачем же так? – удивились справа. – Вы лучше мне ее подарите.

Конечно же это был Сухощавый.

– Вам? – спросил Сергей Николаевич, пряча папку за спину. – А что вы с ней, интересно, будете делать?

– Как что? Я буду ее разгадывать!

– Разгадывать?

– Да, разгадывать. Слова, которые лежат в ней, очень нуждаются в том, чтобы их разгадали. – Сухощавый облизнулся. – Поймите, любое Слово должно нести в себе какой-нибудь смысл. Оно было у Бога, и Оно было Бог. Если смысла нет, Слово перестает быть Словом (да даже просто словом) и может наделать немало бед. Я занимаюсь тем, что ищу смысл в тех **словах**, в которых другие найти его уже давно отчаялись.

Сергей Николаевич выпятил нижнюю губу и сказал «пф-ф».

– Прошу вас, – Сухощавый молитвенно сложил руки, – отдайте мне папку.

– Черт с вами, – Сергей Николаевич высокомерно швырнул папку на землю, – забирайте.

Сухощавый упал на колени, схватил папку и, раскрыв ее, жадно принялся перелистывать страницы.

«Господи, – подумал Сергей Николаевич, – да он набросился на нее, словно дикий изголовавшийся **зверь** на кусок говядины. Нет, это очень опасный тип (*...совсем не как комар...*), с ним надо держать ухо востро». И тихонько, на цыпочках, чтобы Сухощавый ничего не заметил, Сергей Николаевич стал отступать.

– Шемхамфораш... Швах... Шемхамфораш... – шипел Сухощавый над папкой.

Спасло слово «зуд»: Сергей Николаевич со всех ног бросился наутек.

Он несся, не чуя под собой ног и ничего не замечая вокруг. Несся, словно был большой осой, несся, подпрыгивая на кочках как надувной резиновый шарик. Перед глазами у него стояла жуткая картинка: Сухощавый, раздувающийся и увеличивающийся в размерах от **разгаданных** им слов. Уже далеко позади осталась трамвайная остановка, уже скрылся из виду парк, а Сергей Николаевич все несся и несся, все подпрыгивал и подскакивал, все жужжал и жужжал...

Остановился он только тогда, когда вылетел на Центральную площадь и путь ему преградил сердитый милиционер.

– Куда пр-решь? – прорычал он, и Сергей Николаевич остановился.

А на площади толпился народ. Много-много народа. Пестрая толпа обступила фонтан, в котором что-то плескалось и плюхалось, время от времени оглашая окрестности диким ревом.

– Ом!! Ом!! Ом!! Ом!... – орал обезумевший народ.

Сергей Николаевич поежился.

– Чего это они? – спросил он у милиционера. – Митингуют?

– Не знаю, – чистосердечно признался страж. – Кажется, был такой электрик. Омом звали.

– Немец?

– Не уверен. Может, индус?..

– И, стало быть, это они его славят?

– Да кто ж их разберет, убогих?!

– Словарь надо купить – вот что... – пискнул Сергей Николаевич, поскользнулся и упал с моста вниз, прямо на трамвайные рельсы.

Он вскочил, с ужасом посмотрев на часы. Маленькая стрелка показывала восемь.

– Проспал!.. – Он заметался по комнате в поисках брюк. – Проспал, черт ее побери!..

Дома никого не было. Кое-как перекусив и не успев даже толком побриться, Сергей Николаевич схватил папку с рукописью и, на ходу застегивая пиджак, выскочил из квартиры.

В трамвае к нему подошел человек. Сухощавый, невысокого роста.

– Вы что это? – спросил незнакомец.

– Да ничего как будто, – удивился Сергей Николаевич. – Присаживайтесь, здесь не занято.

– Poplar, – сказал Сухощавый. – Poplar – это слово...

Иван Хлюпов. Саис, апрель 1995 г.

Эксперимент

Все, что мы знаем, в значительной степени воспринимается нами на веру...

Александр Тагес

Андрей проснулся от головной боли. Во рту пересохло, затылок неприятно ныл, тело было уставшим и разбитым. Некоторое время он лежал в постели не открывая глаз, пытаясь сообразить, так где же он все-таки находится. Запах лекарств, кварца и убитых микробов говорили в пользу того, что это больница. Однако в памяти ни больницы, ни происшествия, которое могло бы повлечь за собой больницу, совершенно не обнаруживалось. Вчера вместе с Маринкой и Алешкой они пошли в ресторан «Бульдог» – это помнится совершенно отчетливо. В ресторане пили, и пили здорово, с этим как будто тоже никаких проблем. А вот дальше начинаются темные пятна.

Кажется, были у Соколова. Или у Вовки Жижина? Или не были, а был он один?.. Да, трудновато припомнить. Ну, хорошо, а что дальше? А дальше только троллейбус. Совершенно верно, троллейбус. Он ехал в троллейбусе домой, кажется, уже около полуночи, а вот доехал или нет?..

Андрей поморщился и приоткрыл правый глаз.

Так, это, несомненно, больница. Больничные койки, белые тумбочки. Через розовые шторы на окнах просвечивает металлическая сетка. Вот только почему так тихо? Андрей открыл второй глаз, приподнялся на локте и осмотрелся. Обыкновенная палата. Его кровать стоит в углу. Напротив, у окна, еще две такие же, а всю боковую стену занимает какой-то громадный паукообразный аппарат. Довольно неприятный, надо сказать, аппаратик. Значит, он в больнице. Но почему? В какой? Что с ним случилось?..

Откинув одеяло, он сел свесив с постели ноги. Как будто все в порядке. Голова болела, но не сильно. Обычное похмелье. Сунув ноги в шлепанцы, Андрей встал и подковылял к висевшему возле подозрительного аппарата зеркалу. Рожа вроде бы не разбита, очень даже приличная рожа. Опухшая, правда, маленько, с красными глазами, но это все проходяще. Какого ж тогда черта?

Он снова осмотрелся. Хорошо вымытый пол, довольно чистые стены. Заправленные, но никем не занятые кровати. Чистота и порядок отменные. Что все это может значить? Андрей оглядел себя с ног до головы и обнаружил, что одет не в свое, а в больничное. Это навело его на одну мысль.

В самом деле, надо же хоть определить, какая это больница, а то даже неудобно как-то. Зайдет медсестра, скажет: «Доброе утро», а он что? «Пардон, где я?» Нет, так не годится. Несколько минут он сосредоточенно искал на пижаме клеймо или бирку, но так ничего и не нашел. Тогда он принялся осматривать постели. Сначала свою, затем остальные, но и там ничего не было. Вот это уже действительно странно. Чтоб больничное белье и без какой-нибудь бирки... Ну грязное, ну рваное или плохо пахнущее, это понятно, а вот чтобы без штампа. Нет, это абсурд!

Андрей выпрямился, собираясь с мыслями. Значит, так, надо выйти в коридор и ненавязчиво повыспросить у кого-нибудь из больных, что это за больница и чем тут занимаются. Ведь должны же больные гулять по коридору. Шаркая, он подошел к двери, ухватился за ручку и тихонько потянул ее на себя. Дверь не поддавалась. Андрей дернул сильнее. Никакого результата. Он принялся трясти ее изо всех сил, но так ничего и не добился. Дверь была заперта.

«Та-ак!.. – Оставив дверь в покое, Андрей повернулся к зеркалу. – А я-то думаю, что такое? И сетки на окнах, и палата пустая. И машина эта... **отвратительная**. А тут еще дверь заперли. Неужели в сумасшедший дом попал? Но как? И почему?!»

Он еще раз попытался что-нибудь вспомнить, но так ничего и не вспомнил. Ничего путного. Было ясно одно – вчера он нажрался до безобразного состояния, а нажавшись, вляпался в какую-то пакостную историю.

Может, у Вовки чего или у Соколова? Соколов вполне мог в психушку позвонить, он сволочь известная. Хотя нет, Соколов тут ни при чем. И Вовка тоже ни при чем. Он же отлично помнит, что ехал домой. Ну да, ехал в троллейбусе, и время было довольно позднее. А у Жижина или Соколова (вот бы вспомнить, у кого именно!) он сидел еще засветло. Что же это такое? Дверь на замке, на окнах решетки...

Окна! И как это раньше не пришло в голову. Ведь если он вчера нарезался до делириев и угодил в дурку, это сразу же станет ясно. Там рядом должна стоять телевизионная вышка, а уж ее-то ни с чем не спутаешь. Андрей отдернул штору и...

И на минуту подумал, что у него действительно белая горячка. Не было никакой вышки, не было ни домов, ни улиц, ни деревьев. Не было вообще ничего! Только песок. Красное небо, желтые тучи и песок, песок, песок... Сколько видел глаз, всюду песок.

– Та-а-ак... – Он тихонько отошел от окна и опустился на одну из кроватей.

Кажется, пора звать доктора. Либо это сон, либо горячка, либо, увы, он действительно спятил. Он еще раз взглянул на красное небо, зачем-то потрогал глаза и снова уселся на кровать.

«Хорошо, – он пытался держать себя в руках и не поддаваться панике, – я готов предположить самое невозможное. Допустим, я не сплю и не спятил, и никакая это не белая горячка. Хотя, тьфу! Какая там горячка?! Ладно, значит, я здоров и нормален, но тогда как объяснить?... Меня похитили в пьяном виде из троллейбуса и вывезли в Сахару? Нет, не то. Почему небо красное и что значат эти желтые мохнатые тучи? А может, в Сахаре так и полагается? Нет, это ерунда!»

Он вскочил, глянул в окно и, ероша волосы, пробежался по комнате. «Я спятил, я спятил... (*...как плохо быть бестолковым!*...) – Взгляд его упал на многорукую машину, и по спине пробежали мурашки. – Нет, черт возьми, не спятил! А что означает вся эта чушь, я сейчас выясню. И выясню немедленно!» Андрей подбежал к двери и уже собирался устроить самый настоящий тарарам, как вдруг щелкнул замок и дверь открылась сама. От неожиданности он шарахнулся в сторону, угодил в проклятую машину и запутался в ее суставчатых лапах.

На пороге появился доктор. В необычном зеленом халате, такой же шапочке и совершенно невообразимых темно-синих очках. В мозгу Андрея возникла жуткая ассоциация: рентгенолог. Он затрепыхался сильнее. Еще секунда, и он начал бы орать. К счастью, врач сообразил, в чем проблема, поспешил на помощь и мигом высвободил его из цепких паучьих объятий.

– Спасибо, – прохрипел Андрей.

Он учашенно дышал, потирая рукой горло.

А дальше произошло что-то совсем из ряда вон выходящее. Врач кинулся к нему, крепко обнял и радостно завопил, похлопывая его по спине:

– Проснулся наконец-то! А мы уж думали, что ты к нам совсем не вернешься. – Отпустив Андрея, он отступил на шаг и принялся его восхищенно оглядывать. – Ну, Лост, поздравляю! Ты, я вижу, пришел в себя? Давай, рассказывай, как оно **там**? Хоть пару слов, пока вся шатия-братия не слетелась. – Он хихикнул. – Они думают, ты все еще спишь. Это я первым заметил тебя!

Отступив на шаг, Андрей обалдело хлопал глазами. «Сумасшедший, – подумал он. – Только этого мне не хватало. Интересно, за кого он меня принимает?»

Доктор между тем проворно прикрыл за собой дверь, вернулся и, усадив Андрея на кровать, вперился в него с любопытством и ожиданием.

Возникла неловкая пауза.

– Ну же, Лост, – он тронул его за коленку, – рассказывай. Эксперимент удался или нет? Удался?

Андрей попятился.

– Хотя, что там, я и сам вижу, что удался. Если б не удался, мы бы сейчас не разговаривали. – Он снова хихикнул. – Ну, рассказывай же, не тяни резину!

Андрей сглотнул и, с трудом переводя дыхание, выдал:

– Я не понимаю, за кого вы меня принимаете.

Доктор рассмеялся:

– Да ладно, Лост, брось. Твои шуточки сейчас неуместны. Ты же знаешь, что меня не проведешь. Рассказывай, не томи душу.

Андрей вскочил с места, при этом несколько грубовато оттолкнув доктора, подошел к окну и, хлопнув ладонью по металлической сетке, заорал:

– Мне рассказывать? Это мне еще что-то рассказывать? – Его передернуло. – А может, вам есть что **мне** рассказать? Я жду объяснений! По какому праву меня здесь заперли? Я заявляю, если в ближайшие двадцать минут меня отсюда не выпустят, я подам на всех на вас в суд!

Доктор поднялся. Лицо его скривилось в гримасу недоумения, улыбка на нем медленно таяла.

«Какая глупая рожа», – подумал Андрей с раздражением.

– Слушай, Лост...

– Я не Лост! – Андрей рявкнул так, что доктор вздрогнул и попятился к двери. – Я Проскурин Андрей Семенович, и если в ближайшие двадцать минут...

Он замолчал, со злобой глядя на доктора. Тот уже оправился от испуга и, кажется, серьезно над чем-то задумался.

– Слушай, Лост, ты в самом деле не придириваешься? – гораздо менее возбужденно спросил он. – Пойми, если это так, значит, осложнение на...

– Я еще раз вам повторяю, – Андрей старался говорить как можно спокойнее, – я не Лост и не имею ни малейшего представления о том, кто это такой вообще. Кроме того, я жду от вас объяснений всему этому...

Он запнулся и замолчал, не сумев подобрать нужного слова.

– Хорошо. – Доктор кивнул головой. – Подождите одну минуту, я сейчас вернусь.

И прежде чем Андрей успел что-либо сообразить, врач выскочил из палаты. Дверь за ним захлопнулась.

«Так, – мельком глянув в окно, Андрей нервно заходил по комнате, – здесь явно не до шуток, теперь это можно сказать совершенно точно. И я, кажется, тоже в полном порядке. Здесь что-то другое... – Он остановился и посмотрел на паукообразную машину. – Что-то другое...»

– Значит, вы говорите, это был эксперимент? – снова повторил Андрей.

Он сидел в большом кожаном кресле и пытался вникнуть в смысл слов, которые Эдвард вдалбливал ему вот уже третий день.

– Совершенно верно. Наш Институт ввел вам новый, разработанный группой оклендских ученых препарат. Что-то вроде психоделического наркотика, хотя и не совсем. Он ввергает человека в состояние **«мнимой реальности»**. Говоря иными словами, вы забываете на время свою истинную личность и погружаетесь в лабиринты собственного подсознания. В вашем мозгу создаются новый мир, новые люди и даже новые физические законы. Фактически эксперимент занял тридцать четыре часа, однако для вас они могли быть и месяцем, и годом, и даже столетием! Все зависит от того, насколько глубоко вы погрузились в состояние мнимой жизни.

– Это я понял, – Андрей нервно теребил в руках контракт, – но при чем здесь я? На эксперимент согласился какой-то Лост Горлинг. – Он тряхнул бумажкой. – Какое же я имею ко всему этому отношение?

– Вы и есть Лост Горлинг, – терпеливо пояснил консультант.

– Не понимаю. – Андрей швырнул бумаги на пол и обхватил голову раками. – Не понимаю!

– Мы сами не совсем понимаем, что произошло. Очевидно, какое-то осложнение. По всей видимости, вы все еще находитесь под действием препарата и принимаете себя за вымышленного вами Андрея Проскурина. Такое, в принципе, возможно, однако...

– Хватит. – Андрей поднялся. – Я хочу отдохнуть. Давайте продолжим беседу завтра.

Консультант заметно оживился. По всей видимости, все эти препирания ему самому чертовски надоели. Он нажал вмонтированную в стол кнопку, в дверях появился санитар, и Андрей в его сопровождении отправился обратно в палату.

Долго петляли по пустым коридорам, поднимались по лестнице вверх, спускались на лифте вниз. Наконец санитар остановился, открыл одну из множества дверей и знаком показал Андрею, чтобы тот заходил.

– Опять в новую?

– Эта лучше, – усмехнулся санитар.

Андрей вошел. Дверь за ним закрылась, он остался один. Комната мало чем отличалась от двух предыдущих: кровать, стол, тумбочка. На окнах неотъемлемый атрибут сумасшедшего дома – тонкая металлическая сетка. Ничем более не интересуясь, Андрей лег на кровать, подложил руки под голову и уставился в потолок.

Случившееся никак не укладывалось в мозг. Значит, получается, что он – совсем не он, а какой-то загадочный Лост Горлинг. Человек, любящий деньги, острые ощущения и подписывающий подозрительные контракты с какими-то загадочными институтами. Да, поверить в такое трудновато. Хотя что там Лост, ладно бы только это. Это бы еще полбеды. Но ведь оказывается, вся предыдущая жизнь – самый обыкновенный сон. (Пardon, самый необыкновенный.) **Вся** жизнь! И Марина тоже сон, и мама... Нет, этого не может быть!

Он вскочил и забарабанил в дверь:

– Открывай! Эй ты, вертухай недоделанный, открывай давай!

Минуты через две квадратное окошечко распахнулось и в нем возникла хмурая санитарская морда.

– Чего шумишь? – спросил он строго.

– Мне срочно нужно поговорить с Эдвардом. Немедленно!

– Нет, – сказал как отрезал санитар.

– Что значит «нет»?! – взвился Андрей. – Я говорю, мне срочно надо поговорить!

– Завтра поговоришь.

Окошко захлопнулось.

– Ах ты, сволочь! Открой! Открой, сучара поганая! – Андрей принялся пинать в дверь ногами.

Окошечко открылось, в нем появилась все та же мерзкая рожа и ласково предупредила, что если через пять минут шум не прекратится «сам собой», то его придется прекращать «извне». Побушевав для приличия еще немного, Андрей оставил дверь в покое и вернулся обратно на кровать.

Нет, такими методами здесь ничего не решить. Надо быть спокойнее. Что ж, завтра так завтра. Это даже лучше. Будет время все как следует обдумать. Сам же напросился! А может, он действительно никакой не Андрей, а самый что ни на есть Лост Горлинг? Может, за ночь действие наркотика прекратится и утром он со смехом будет вспоминать Андрея Проскурина и всю его жизнь? Кто знает? А сейчас спать.

Зеленое солнце давно спустилось за горизонт, и небо из красного превратилось в черное, самое обыкновенное ночное небо. Андрей залез под одеяло с головой и закрыл глаза.

Завтра будет день – будет пища...

Ему **снился** Сизиф.

Темнота. Непонятное бетонное здание странной архитектуры. Плавающий во дворе костер (...или несколько костров?..). Затем из темноты появился мужчина, одетый в доспехи древнегреческого воина. К ноге его цепью был прикован громадный круглый камень. Как только этот человек появился, Андрей почему-то сразу понял, что это именно он, Сизиф! Выкатив камень из здания, мужчина с огромным трудом покатил его через двор, мимо плающего костра (...костров?..). А затем...

Затем он начал спускаться со своей ношей по совершенно отвесной бетонной стене, находящейся сразу позади здания. Причем сам он спускался первым, а камень держал над головой, волоча его по стене. «Интересно, – возникла у Андрея нелепая мысль, – когда он спустится с камнем вниз, быть может, камень начнет подниматься обратно и за цепь вытащит Сизифа наверх?..»

Все происходящее происходило в какой-то ужасающей тишине. Кроме треска костра и позвякивания цепи, не было слышно ни единого звука. **И это очень пугало...**

– Итак, по-вашему, получается, Земля круглая? – переспросил Эдвард и рассмеялся. – Забавно, очень забавно.

Он откинулся на спинку кресла, с любопытством разглядывая Андрея.

– Конечно круглая, какой же ей еще быть? – неуверенно ответил тот. – Плоской, что ли?

– Знаете, а ваш подсознательный мир устроен весьма своеобразно. Весьма!

Андрей пытался сосредоточиться, но болтовня Эдварда ему невыносимо мешала. «Черт бы тебя побрал, – он мысленно плюнул в его сторону, – совсем мне мозги закомпостировал».

– Нет, а все-таки, – не унимался консультант, – если Земля круглая, почему же мы с нее не падаем?

Глаза его излучали восторг.

– Она нас притягивает, – машинально ответил Андрей, думая совсем о другом. – Или удерживает?..

На некоторое время воцарилось молчание.

– Знаете, Лост, – наконец произнес Эдвард, – вы самый странный пациент из всех, с которыми мне когда-либо приходилось работать. У вас необычайно развито воображение. Ну почему, скажите мне, вам взбрело в голову, что Земля – это шар? Почему не куб или тетраэдр? Ответьте мне, это очень интересно.

– Да что ты ко мне прицепился! – взорвался Андрей. – Почему да почему. Откуда я знаю почему? Нас так учили. И что Земля круглая, и что материя первична, и что дважды два четыре. Это же дураку ясно!

– Тихо, тихо. Не надо нервничать. – Эдвард встал и, делая руками успокаивающие жесты, медленно подошел к Андрею. – Вы же считаете себя нормальным, правильно? Ну, так и давайте рассуждать как все нормальные люди. Хорошо?

– Хорошо, – Андрей с трудом подавил раздражение, – давайте рассуждать.

– Давайте.

– Давайте!!

Эдвард взял со стола чистый лист бумаги, авторучку и уселся рядом.

– Насчет «дважды два», – пояснил он. – Вы хорошо помните алгебру или...

– Помню, черт возьми, помню! Чего вы добиваетесь?

– Тихо, тихо. Сейчас мы с вами проведем несложное арифметическое действие, и вы сами все поймете. Только не надо нервничать. Значит, вы утверждаете, что дважды два будет четыре?

– Да, именно это я утверждаю, и можете плюнуть мне в морду, если это неправда.

– Ну-ну, плюнуть я всегда успею. Дело не в этом. Дело в том, что дважды два не четыре. Дважды два – **пять!** Мне, конечно, очень неприятно, что приходится напоминать вам такие простейшие вещи... Впрочем, смотрите сами.

Эдвард пододвинул к себе листок и быстро набросал на нем равенство:

$$16-36 = 25-45.$$

– Верное равенство?

– Верное. – Андрей поморщился. – Но я не совсем понимаю...

– Идем дальше:

$$16-36 + 20\frac{1}{4} = 25-45 + 20\frac{1}{4}.$$

– Так?

– Так.

– Очень хорошо.

$$4^2 - 2 \times 4 \times 9/2 + (9/2)^2 = 5^2 - 2 \times 5 \times 9/2 + (9/2)^2.$$

– И с этим согласны?

– Согласен. Это же элементарно, но из этого никак не следует...

– Идем дальше. – Эдвард повысил голос, призывая к вниманию. – Вы следите за тем, что я пишу, следите.

$$(4-9/2)^2 = (5-9/2)^2$$
$$4-9/2 = 5-9/2.$$

Он быстро взглянул на Андрея. Тот таращился на исписанный лист сосредоточенно, но не выказывал ни малейшего возражения. Все было нормально.

– И наконец, – торжественно объявил Эдвард, – последнее действие. Если:

$$4-9/2 = 5-9/2,$$

то и:

$$4 = 5.$$

А следовательно:

$$2 \times 2 = 5! \text{ —}$$

Он поставил жирный восклицательный знак и с ехидцей посмотрел на своего пациента: – Мне плюнуть прямо сейчас?

Андрей растерянно вертел листок в руках.

Он просмотрел все решение еще раз. Затем еще раз. Потом вдруг дико заорал и принялся рвать бумагу на мелкие части.

Отпрыгнув в сторону, Эдвард нажал красную кнопку. В комнату влетели два санитара, скрутили визжащего и плюющего человека и, надев на него стальные наручники, поволокли вон из кабинета. Некоторое время Эдвард прислушивался к доносившимся из коридора крикам, затем, когда все окончательно стихло, вернулся за стол и придвинул к себе телефон.

Андрей сидел на подоконнике и смотрел в окно. Два мощных четырехгусеничных трактора катили через пески большой розовый шар. Очевидно, внутри шар был полым. Он то и дело срывался с креплений и, подпрыгивая, словно резиновый мячик, уносился куда-то вдаль.

Трактора останавливались, стреляли по нему специальными присосками, притягивали его и снова укрепляли на маленькой гусеничной платформе. Картинка довольно унылая. Хотя что еще можно ожидать от этого мира? Иррационального фантастического мира.

А между тем Андрей начинал чувствовать себя его частью. С каждым днем он все больше и больше осознавал себя именно Лостом Горлингом. Картины прошлого (*...вымышленного прошлого?!*) давно поблекли и только **во сне** приобретали свою завораживающую яркость. Только во сне. Марина, мама, друзья – все это стало сном. Да и было ли когда реальностью? Едва ли...

Теперь он сам начинал понимать это. Он – Лост Горлинг, бывший заключенный, не имеющий ни семьи, ни родных, решившийся на эксперимент как на последний шанс выжить. Да, это куда более правдоподобно, чем фантазии о зеленых городах, голубом небе и прочей чепухе. Тысячи слайдов, километры аудио- и видеопленки, все это служило неоспоримым доказательством истины. Он – Лост Горлинг. Этот мир – его мир, а тот, другой, всего лишь вымысел, иллюзия.

Андрей сидел, мысленно перебирая просмотренные за последний месяц фотографии и видеосюжеты. Вот он стоит на фоне здания Института и чему-то глупо улыбается. Вот он в кабинете Эдварда подписывает с доктором Вайтангой контракт. Вот палата, где должен был проходить эксперимент (*...та самая...*). А вот он в желтой форме заключенного стоит в строю – архивный тюремный снимок. Да, это **он**, в этом нельзя усомниться. Его лицо, его фигура, его манеры. Лост Горлинг.

Андрей отвернулся от окна, прыгнул на пол. Трактора скрылись за горизонтом, больше смотреть не на что. До вызова к Эдварду еще целый час, нужно за это время собраться с силами и настроиться на очередное промывание мозгов. До чего омерзительный тип этот Эдвард. Эдвард Битч – довольно подходящая фамилия. Впрочем, здесь она означает совсем другое. Нет, не так. Это **там** она означала другое, и, наверное, неспроста. Наверное, его подсознание специально наделило ее такой смысловой нагрузкой, а здесь...

Здесь это самая безобидная фамилия. Черт, как же ему все надоело! Он с разбегу бросился на постель, схватил первый подвернувшийся под руку журнал и принялся бесцельно листать страницы.

На гамльтонском нефтепроводе произошла небольшая авария. Перекрывают всю тысячекилометровую линию, демонтируют ее, а рядом начинается строительство новой. Зачем? Во избежание повтора аварии: советы статистиков, прогнозы астрологов и научного сообщества. Генерал Уэшбер выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Начинается предвыборная кампания. Уэшбер зачитывает свою программу: повышение налогов и одновременное снижение цен на все виды товаров и услуг, **реорганизация масс(?)**, всеобщая амнистия и выделение дополнительных средств на борьбу с преступностью. Поголовное обеспечение жильем всех нуждающихся, а также ликвидация бесчеловечных команд стройбата (которые, к слову заметить, выполняют семьдесят процентов всех строительных работ в государстве). На данный момент Уэшбер далеко обошел своих конкурентов и является несомненным лидером. Поп-звезду Тиазу Ронас обвинили в педерастии. «Что за чушь, я же женщина!» – заявляет ошарашенная певица. Ее фанаты требуют создания специальной комиссии для выяснения достоверности **этого (?)** факта. На западном побережье начинается строительство новой высотной башни. Цель – выяснение расстояния от поверхности земной плоскости до первой небесной оболочки...

Андрей с размаху швырнул журнал об стену. Нет, это невыносимо! Пусть он действительно Лост Горлинг, пусть эта черножопая гнида Эдвард действительно великий ученый, но это же не значит, что он должен здесь окончательно свихнуться. Все, пора отсюда сматываться. Пора рвать когти. Только бы выбраться из здания Института, а там ему все станет окончательно ясно. Либо Вайтанга и вся его шайка специально пытаются свести его с ума, чтобы не выплачи-

вать сумму, полагающуюся по контракту, либо он уже спятил и денег ему все равно не видать. Что угодно, но он должен отсюда выбраться. **Любой ценой!**

Щелкнул замок, и на пороге возник санитар.

– На собеседование, – мрачно объявил он.

Лост поднялся и с обреченным видом последовал за ним. «Решено, – думал он, шагая по пустым извилистым коридорам, – сегодня же вечером обдумаю все возможные варианты побега... и как только смогу, приступаю к их реализации». Остановившись возле кабинета Эдварда, санитар постучал в дверь.

– Запускайте, – ответил до омерзения знакомый голос.

Вздохнув, Лост шагнул внутрь.

Сразу же после просмотра они вернулись в оранжерею. Лост не любил эту комнату. Огромный шестигранник, заставленный стеклянными ящиками с песком и камнями всевозможных форм и размеров, действовал на него угнетающе. А вот Эдвард, кажется, действительно отдыхал тут. Однажды он признался, что только здесь можно дышать воздухом настоящего. Внешние пески до предела загажены промышленными отходами и давно перестали давать кислород: примеси серы и хлора превышают все допустимые нормы. А здесь, здесь другое дело!

– Институт строго следит за качеством воздуха в наших помещениях. – Эдвард многозначительно усмехнулся. – Правительство очень заинтересовано в этом.

– Наверное, – без всякого интереса отозвался Лост. – Когда я выпишусь и получу свои деньги, обязательно куплю себе озонатор. Кстати, – он немного оживился, – вы ничего не слышали о постановлении **718 G**?

Эдвард насупился, подозрительно на него посмотрел:

– Нет, **я** не слышал. – Он сделал ударение на «Я». – И откуда вы только получаете подобные сведения? Я что-то не припомню, чтобы вы интересовались нормотворчеством. Откуда?..

Лост злорадно усмехнулся (...*заинтересуешься тут!..*).

– Так, вспомнилось вдруг. Читал о проекте закона до эксперимента. Еще **там**, в заключении.

Ни черта ему не вспомнилось. Он разучился вспоминать. Все, что он знал о внешнем мире, было результатом той активной деятельности, которую развернул вокруг него доктор Вайтанга. А о постановлении 718 он прочитал в свежем номере «Правительственной газеты», которую вчера незаметно вытащил у санитара из кармана халата. Та макулатура, которой снабжал его Эдвард, не представляла собой ничего интересного. Лост отлично понимал, что Эдвард тщательнейшим образом просматривал всю прессу, которая доставляется ему в палату. Ничего подобного он просто не пропустил бы. Что ж, как говорится, на каждую хитрую жопу...

– Вы напрасно прикидываетесь, Битч. Я все равно этого дела так не оставлю. Ваш сраный Институт выплатит мне страховое пособие. Выплатит все до последнего ринггита, можете в этом не сомневаться! – Лост усмехнулся. – Сумма, указанная в контракте, плюс пятьдесят процентов за нанесенный ущерб. Закон будет на моей стороне.

Эдвард остановился и некоторое время сосредоточенно его изучал.

– Присядем, – сказал он наконец, указывая на скамеечку возле ящика с трехметровым камнем-октаэдром. – Вы, Лост, как мне кажется, что-то не совсем правильно воспринимаете. За какой это, интересно, ущерб мы должны выплачивать вам пособие? Что вы имеете в виду?.. Я как-то не совсем понял вашу реплику.

– За какой ущерб?! – Лост хлопнул кистью правой руки о ладонь левой и закатил глаза. – Вы целых четыре месяца держите меня взаперти, словно какого-то шизика, вы превратили меня в самого настоящего идиота, а теперь спрашиваете «за какой ущерб»? Ну, знаете!..

Он нервно принялся шагать взад-вперед.

– Да сядьте вы! – не выдержал Эдвард. – Я отлично понимаю ваше негодование, но ведь, в конце-то концов, вы сами согласились на этот эксперимент, никто вас не неволил, и вы были заранее предупреждены о возможных негативных последствиях! Да, некоторое время вы страдали раздвоением личности, принимали себя за вымышленного вами человека, но ведь теперь все это прошло. Или я не прав? Молчите. В чем же тогда вы собираетесь нас обвинять?

Лост резко остановился и в упор посмотрел на Эдварда.

– Когда меня выпустят? – спросил он.

– Скоро. – Эдвард как-то странно потупился, отводя глаза в сторону. – Вы в полном порядке, еще одна комиссия, и будем готовить вас к выписке.

– Я хочу вернуться в палату, – сказал Лост.

Он повернулся и зашагал к выходу.

– Санитар у двери, – донеслось ему вслед, – он вас проводит.

Когда Эдвард остался один, из глубины павильона вышел доктор Вайтанга.

Лост сидел на унитазе, пытаясь придать своему лицу соответствующее позе и месту выражение. Чугунную гирьку из соседнего бачка он уже свинтил, однако не был уверен, что сумеет незаметно протащить ее в палату. Впрочем, попытка не пытка (...если бы!..). Санитар стоял снаружи и, постукивая ключами о дверь, время от времени бросал через небольшое окошечко равнодушные взгляды. Он разговаривал с дежурным из соседнего отделения.

– Тогда я ее затащил в... Главврача по морде... Ну, сам понимать должен... – доносились из-за двери приглушенные реплики.

Когда дежурный ушел, санитар толкнул дверь ногой и, растягивая слова, объявил:

– Закончить opravku.

Лост встал, сделал вид, что попользовался бумагой, затем не спеша спустил воду.

– Быстрее, быстрее! – подгонял санитар. – Нечего там яйца чесать. Подрочить и в палате сможешь.

Выходя из сортира, Лост мысленно перекрестился. По коридору шли как обычно – он впереди, а санитар, посвистывая и звеня ключами, сзади. Гирька сильно оттягивала штаны, и Лосту все время казалось, что они вот-вот с него сползут. «Ох, и врежет он мне, если узнает», – думал он, пытаясь незаметно подтянуть резинку. Но все обошлось. Последние несколько месяцев Лост вел себя тихо, надзиратели расслабились и перестали следить за каждым его движением, как это было раньше.

Оказавшись в палате, Лост повалился на кровать и, вытащив свой трофей из кармана, засунул его глубоко под подушку. До вечера пропажи они точно не хватятся, значит, шмона не будет, можно не опасаться. До вечера... Сегодня или завтра, сегодня или завтра?.. Нет, если действовать, то действовать нужно без промедления. Сегодня!

Он вскочил и пробежался по комнате от окна к двери. Выпускать его отсюда никто не собирается, это совершенно ясно. Эдвард просто тянет резину, вешает лапшу на уши. Но зачем? И Вайтанга куда-то запропастился... Что же они затевают такое, что затевают? Может, собираются его убить или еще раз впрыснуть AS-3? Ну уж нет, теперь у них этот номер не пройдет. Все, Битч, все, сукин сын. Теперь у тебя будут большие неприятности. Можешь, сволочь, в этом не сомневаться.

Лост остановился, посмотрел на дверное окошечко и, не заметив ничего подозрительного, быстро нагнулся и достал из-под плинтуса кусок белой лохматой веревки. Где он ее раздобыл, он и сам теперь не помнил. Кажется, отпорол край от наволочки, а может, из портьеры в смотровом зале выдернул. Это не важно. Месяца два назад он хотел на ней повеситься, но теперь...

Лост снова взглянул на дверь, лег на кровать лицом к стене и, нащупав под подушкой кусок чугуна, аккуратно привязал один конец веревки к металлическому кольцу. Что ж, повеситься у него не хватило духу, а хватит ли теперь для...

Хватит! Он в этом не сомневался.

Как обычно, в половине седьмого зашел санитар.

– На собеседование.

Лост стоял у окна и даже не обернулся на голос. Он внимательно наблюдал за тракторами, толкавшими розовый шар через пески и, казалось, целиком был поглощен этим зрелищем. Санитар шагнул в палату.

– Горлинг, – он начинал злиться, – кончай валять дурака. Опять на профилактику захотел?

На какое-то мгновение Лост испугался, но усилием воли подавил страх и остался стоять, как стоял. Отступить нельзя.

Небольшая пауза. Санитар приблизился еще на два шага:

– Ты что, совсем охренел?

Лост поежился, но не обернулся. Ближе, сволочь. Ну, чего ты там встал? Он покрепче зажал в руке конец веревки, нервы были на пределе. За спиной у него что-то звякнуло...

Резко развернувшись, Лост выкинул руку вперед. Тяжелая гиря, описав в воздухе полукруг, попала санитару прямо в лоб. Звук, словно упругим резиновым мячиком с размаху шмякнули по бетонной стене. Больше всего Лост боялся, что санитар успеет отскочить или закрыться рукой, но тот, кажется, так ничего и не понял. Даже сейчас. На какое-то мгновение он застыл неподвижно. Лост размахнулся и ударил еще, на этот раз сильнее и более удачно. Мотнув головой и неловко взмахнув при этом руками, санитар повалился на пол.

Лост осторожно к нему приблизился. Он хотел стукнуть еще раз, чтобы разmozжить этому гондону череп, но передумал, бросил гирьку на кровать и принялся сдирать с неподвижного тела форму. Это ему удалось не сразу. На халате оказались какие-то хитроумные застёжки, но в конце концов он все-таки справился. Сбросив больничную пижаму, он переоделся, взял связку ключей, магнитную карточку и уже собрался выходить, когда вспомнил про гирьку. Взять... не взять?..

Он взял.

Захлопнув дверь палаты и заперев ее на два оборота, Лост двинулся к лифту. Руки слегка дрожали, но во всем остальном он чувствовал себя совершенно спокойно. Даже странно, он и представить себе не мог, что все получится так легко. Уложить санитару и завладеть его пропускной картой, вот что казалось самым трудным и единственно необходимым. С картой спуститься на лифте вниз и пройти мимо дежурного ничего не стоит, Лост понял это еще месяц назад.

Вообще-то, дальше дежурного поста он не заходил ни разу. Да и дежурного-то видел только из лифта, когда болевший с жуткого похмелья санитар нажал не на ту кнопку и кабина спустилась на два этажа ниже положенного. Однако сейчас он был почему-то совершенно уверен, что выход найдет без труда.

Так, теперь надо взять себя в руки. Лост просунул карточку в прорезь, загорелся зеленый огонек. Вскоре послышался шум поднимающейся (...или опускающейся?..) кабины. Время тянулось медленно, он начал нервничать. Запер ли он дверь палаты? А что, если санитар очухается, выберется наружу и поднимет тревогу? Кажется, запер. А коридорную решетку?..

– Эй, Михеев, – раздался за спиной резкий окрик. – Это что еще за фокусы?

Лост вздрогнул. Обращались явно к нему, и он сообразил, что его приняли за того самого санитару, который сейчас «отдыхает» в его (...кто спал на моей кровати и помял ее?..) палате.

– Я же русским языком сказал, привести 313-го ко мне. Эй, оглох, что ли?

Лост крепче намотал конец веревки на руку, окровавленная гирилка повисла в воздухе. Что-то в словах говорившего показалось знакомым, но что именно, он не уловил. Слово – не слово, интонация – не интонация... Раздумывать было некогда. Он обернулся.

– Ты у меня доигра... – Голос оборвался на полуслове.

В нескольких шагах от него стоял Эдвард. Лицо его выразило недоумение, потом замешательство и, наконец, смертельный ужас.

Он попятился:

– Лост? погоди минуту... Ничего не понимаю!..

Вот когда ему пришлось окончательно убедиться, что он – это действительно **он**. Заговорили его преступные, жаждущие крови гены. С жутким оскалом Лост прыгнул вперед. Охнув, Эдвард бросился прочь. Удар пришелся ему точно по затылку (звук лопнувшей тыквы). Грохнувшись на пол, Эдвард перекувырнулся и встал на карачки.

С непередаваемым внутренним восторгом Лост отвесил ему под зад хороший пинок:

– Ну что, повеселимся?

– Горлинг, ты с ума сошел...

– А у тебя разве были сомнения?

Лост пнул его по ребрам. Откатываясь к стене, Эдвард скорчился пополам:

– Лост... **Андрей!**.. – Он поперхнулся.

Гирька хрустнула по челюсти, из разбитого рта брызнула кровь. В то же мгновение щелкнул индикатор лифта и створки открылись. На секунду у Лоста перехватило дыхание. К счастью, кабина оказалась пуста. Он ослабилась. Развернулся, собираясь ударить Эдварда еще раз, прямо по макушке, дабы раз и навсегда покончить с этим засранцем, но Битч уже вскочил на ноги и, схватившись рукой за разбитую челюсть, улепетывал в сторону своего кабинета.

– Пашкуда! – Голос его горстью сухого гороха рассыпался по коридору.

Лост заскочил в лифт в тот самый момент, когда двери уже начали закрываться. Кабина двинулась вниз, и только тогда он сообразил, что выронил свое оружие где-то в коридоре. Мысли в голове стремительно проносились одна за другой: «Эдварда я так и не пришиб, сукин сын успел смыться... Если он уже добрался до телефона, то дежурный внизу встретит меня, что называется, с распростертыми объятиями. А если и нет, то...»

Кабина остановилась, двери медленно разошлись в стороны.

Вломившись к себе в кабинет, Эдвард с ходу налетел на доктора Вайтангу.

– Этот Профкурин!.. – Он поперхнулся, большой сгусток кровавой слизи, вылетевший у него изо рта, шлепнулся доктору на халат. – Эта фволочь сломала мне фелюшь!

Вайтанга сразу все понял. Он подошел к телефону, набрал номер дежурного и очень спокойно обрисовал ситуацию.

– Что? – Похоже, на том конце провода были чем-то сильно озадачены. – Хорошо, берите резерв. Да! Нет, не стрелять. Ампулы в сейфе, полка номер семь. Зеленый ободок.

Он положил трубку и только тогда гадостливо поморщился, взглянув на испачканный халат. Эдвард сидел на кушетке. Приложив к щеке ватный тампон, он копался в аптечке. Вид у него был ужасный.

– Так... – Доктор попытался закурить, но сломал сигарету и, скомкав всю пачку, швырнул ее в Эдварда. – Если он уйдет за территорию клиники, я тебя, Сазонов, выдеру и высушу. Понял?!

Он закашлялся, стукнул кулаком по столу и замолчал. Эдвард застыл с полуоткрытым ртом, кровь капала ему прямо на новые брюки.

– Но, Николай Фладимирович, при чем фдещ я?.. – Он сглотнул. – Надеюсь, слуфба безопашности его задерфит.

– Молись, чтобы так оно и было.

Вайтанга встал и, громко хлопнув дверью, вышел из кабинета. Эдвард вздрогнул. Некоторое время он молча смотрел на закрытую дверь, затем приложил к щеке новый тампон.

– Пашкуда... – проскрипел он зубами, поворачиваясь к окну.

Кабина остановилась, двери медленно разошлись в стороны. Лост уже приготовился броситься на охранника (...эх ты, ах ты, все мы космонавты!...), но вовремя сообразил, что никто и не собирается его задерживать. Дежурный сидел за своим ограждением и листал какую-то книжку. Лост задержал дыхание, протягивая магнитную карточку, но тот на нее даже не взглянул.

– Проходи. – Он махнул рукой.

Лост с облегчением выдохнул и медленно, стараясь выглядеть как можно естественнее, направился по коридору в сторону выхода. Коридор был больше похож на туннель. Темный, длинный, с тянущимся по стене толстым кабелем. Где-то на другом его конце сновали люди, хлопали стеклянные двери, сустились санитарки, забегая в ординаторскую и тут же выскакивая обратно со стопками мятых больничных карт...

Лост шагал медленно, но боже, как ему хотелось броситься бегом, пересечь сверкающий белыми облицовочными плитами вестибюль и, толкнув пружинящую стеклянную дверь, выскочить наружу! Он надеялся, что около пылезадержателей окажется хоть один эрмобиль. Если же их там нет, ему конец. С машиной он справится, в журналах много писали об их устройстве и управлении. Конструкция довольно примитивная, хотя и не лишенная некоторого остроумия, но что делать, если поблизости не окажется ни одной машины? Пешком через пустыню? Даже если б за ним не было погони, это верное самоубийство.

До конца коридора оставалось несколько метров, когда Лост услышал, что за стойкой дежурного зазвонил телефон. Он прибавил шаг, но внешне старался оставаться спокойным. Обыкновенный санитар, просто спешит по важному делу... Позади ухнуло, звякнуло металлом и послышался топот. Не оглядываясь, Лост в два прыжка доскакал до конца коридора, ссыпался по лестнице и, врезавшись в толпу, принялся продираться к выходу.

В вестибюле творилось самое настоящее столпотворение. Создавалось впечатление, что в дурдоме сегодня день открытых дверей. Лост продвигался медленно, а топот позади все усиливался, эхом отдаваясь в коридоре-туннеле. Лост заработал кулаками. Кто-то взвизгнул, потом послышался стон и толпа пришла в замешательство. Завыла сирена (или ему только кажется?).

В дверях он на мгновение задержался, чтобы оглянуться назад. Охранник и еще двое парней уже скатывались по ступенькам. Толпа расступилась, образуя для них удобный проход. Что-то в форме этих двоих показалось ему знакомым, но понять что именно он не мог. Не было времени. Толкнув дверь плечом, Лост вылетел наружу. Небольшой тамбур, еще одни двери. Эти-то уж точно ведут куда надо. Только бы хоть одна машина оказалась рядом, хотя бы одна. Он с треском распахнул обе створки, сшиб с ног какого-то мужчину и оказался на улице.

В глаза ударил свет. Яркий солнечный свет. На мгновение он зажмурился, сделал несколько шагов вперед, двигаясь скорее по инерции, и остановился, широко расставив ноги. Больничная дорожка, стиснутая с обеих сторон зелеными газонами, убегала куда-то вдаль, теряясь среди темных высоких сосен. Двое больных, одетые в пестрые пижамы, катили по ней тележку, заваленную грязными узлами, очевидно с постельным бельем. Один узел упал, и оба бросились его поднимать, яростно жестикулируя и что-то друг другу доказывая. Слева дымила кухня, около нее, лениво почесываясь, сидела толстая лохматая дворняга. Солнце клонилось к западу, и в его лучах телевизионная вышка, вырисовывающаяся на бледно-голубом фоне неба, казалась черным безобразным скелетом.

Лост почувствовал, что ему не хватает воздуха.

Сознание возвращалось медленно, и в какой-то степени Лост был этому даже рад. В самом деле, для чего оно ему теперь? То, что с ним произошло, не укладывалось ни в какие рамки, не поддавалось никакому осмыслению. Бред! Самый настоящий параноидальный бред. А может, просто сон? На какое-то мгновение эта мысль показалась ему спасительной, способной разрешить все случившееся, но она исчезла так же быстро, как возникла. Да уж, какой там сон? Сон в мире песков и красного неба или в мире неба голубого и цветущих деревьев? А может быть, сон под действием AS-3? Мысли тянулись длинной бесконечной цепочкой. Им не было конца, но что хуже всего, ни одно из звеньев этой цепи не должно было, по законам логики, здравого смысла или каким другим законам, состыковываться с остальными. Но невзирая ни на какие законы, кольца-мысли мелькали, собираясь в цепь, а цепь эта уходила своими концами в бесконечность.

Слабо застонав, Лост открыл глаза.

Палата. Обыкновенная больничная палата. Впрочем, ничего другого он и не ожидал. Однако... на этот раз в ней находились **люди**. Не санитары, не врачи, а именно люди. Одетые в больничные пижамы, они занимались своими делами и не обращали на него абсолютно никакого внимания. Несколько человек сидели за столом и играли в карты. Некоторые лежали на койках, другие бесцельно слонялись или негромко переговаривались между собой.

– Хм... а они облажались, – проскрипел прямо над головой надтреснутый голос.

Лост вздрогнул и, изогнувшись, попытался заглянуть назад. В изголовье его кровати стоял старик. В такой же, как у всех, пижаме, так же плохо выбрит. Он стоял, опершись о металлическую дужку кровати, с интересом его разглядывая.

– Где я? – негромко спросил Лост.

– Где? – Старик обошел тумбочку, сел на кровать рядом. – В больнице, конечно, где же еще?

– Я понимаю, – ответил Лост. С горлом у него что-тостряслось, и говорил он с трудом. – В какой именно? Небо... Небо какого цвета?!

Его охватило волнение.

Старик удивленно оглянулся (сам Лост не мог этого сделать, а кровать его стояла так, что окон не было видно), рассмеялся и ответил:

– С небом сегодня все в порядке. Ни облачка.

– Цвет?!

– Цвет? – Старик хитро прищурился. – Цвет, пожалуй, голубой, с каким-то таким оттенком... – Он щелкнул пальцами.

Лост откинулся на подушку и закрыл глаза.

– Да ты не волнуйся, – старик похлопал его по плечу, – вот вывезут тебя на прогулку, и небо увидишь, и солнце, и баб даже... Если, конечно, вывезут.

– Вывезут? – Лост сделал безрезультатную попытку подняться. – Почему **вывезут**?

Глаза у старика забегали.

– Так ты не знаешь? – удивился он.

– Что? Что?!

– Ну... ноги...

Лост не понял, вернее, не захотел понимать. Ноги. Ходить, бегать. Его ноги?.. Бегать?.. Он хотел встать, но не мог. Тело оцепенело и перестало слушаться. «Эдвард! – вспыхнуло в мозгу. – Это Эдвард!...» В горле пересохло.

– Подними меня, – хрипло попросил он.

Старик засуетился, осторожно обхватил его за плечи и медленно приподнял.

– Одеяло...

Старик откинул одеяло в сторону. На мгновение Лост напрягся, но тут же испустил короткий стон и обмяк. Ниже пояса у него торчали две перебинтованные культы. Вместо ног культы!

«Что происходит? Какое они имеют право?!» Ему захотелось орать во все горло и бить кулаками, но вместо этого он лежал безвольным мешком, беззвучно шевеля губами.

– Не волнуйся, парень. – Старик снова похлопал его по плечу и как-то странно улыбнулся. – Мы все здесь дефективные. Ты вот без ног, у меня почка искусственная...

Он замолчал, улыбка медленно сползала у него с лица. В палату вошел санитар. Поднявшись, старик заковылял прочь.

– Так, Проскурин А. С. В пьяном виде попал под поезд. Послекоматозный шок, галлюцинации... Ага! Номер триста тринадцать. – Санитар сверил номер в тетради с номером на спинке кровати, посмотрел на Лоста и крикнул в коридор: – Это здесь, давайте каталку сюда.

– Куда? Что? Вы не можете так!.. – Лост забился в судорогах.

– Тихо, тихо, – ласково успокаивал санитар.

Он без усилия поднял его, словно маленького мальчика, и на руках перенес на въехавшую в палату каталку.

– Ничего страшного, просто на перевязку. Сменяют бинты, посмотрят, как там твои швы, и привезут обратно. А через недельку, глядишь, разрешат и прогулки.

– Зачем? Зачем вы это со мной сделали? – Лост... или Андрей, он не понимал сам, говорил в никуда, ничего не слыша и не воспринимая вокруг. – Почему? Чем вам помешали мои ноги?.. Это Эдвард!..

– В перевязочную, – скомандовал санитар.

Иван Хлюпов. Саис, февраль 1995 г.

Кометы

Человек есть нечто, что нужно преодолеть.
Фридрих Ницше

- Любая ситуация в жизни носит конфликтный характер. Вы не находите?
 - Я?! С какой это стати?
 - Извините, если чем-то расстроил вас, но мне показалось... Мне показалось, что у вас...
 - Душа не на месте? Да, она действительно не на месте. Вернее, на месте, но совсем не на том, где ей бы следовало находиться. А вам-то какое дело?
 - Еще раз прошу прощения.
 - Ладно. Прощаю.
 - И все-таки, что вами движет? Откуда в вас столько необъяснимого и в то же время бессмысленного, направленного из ниоткуда в никуда. Это что, стало нормой жизни?
 - Ну вот, опять вы за свое!
 - За свое, за ваше... Все это лишнее. Мне просто хочется знать, что вами движет?
 - Ноги мною движут, когда я иду. Мотор с колесами, когда еду в автобусе...
 - Ой, перестаньте! Не надо.
 - Не надо?! – (довольно грозно).
 - Не надо, – (умоляюще).
 - Ну, хорошо, не буду.
 - Огромное вам спасибо, – (облегченно), – это было очень великодушно с вашей стороны.
- Не ожидал. Честное слово, не ожидал!
- Ладно, чего уж там... – (смущенно, но не без некоторого самодовольства).
 - А теперь представьте себе: едет по полю трактор...
 - Представил, действительно – едет.
 - Вы стоите неподалеку и смотрите на него. Какой у вас возникает при этом вопрос?
 - Извольте: «Где бы двадцатку до полочки достать?»
 - Нет, я имею в виду: по поводу трактора.
 - Ах, трактора... Ну... Ну, скажем, какого он цвета?
 - Да нет же! Цвет вы и так видите. У вас возникает вопрос: а что это за трактор? Чем он тут занимается? Зачем? Понимаете – **зачем?! Почему?!!**
 - Это только у вас такие идиотские вопросы могут возникнуть при виде трактора. А я думаю о том, у кого бы денег до полочки занять.
 - Э-эх, да что с вами разговаривать! Вы же деревянный. Вас же не прошибить ничем!
 - Хм!.. – (очень самодовольно). – Хм! Хм!! Хм!!!
 - Аа, провалитесь вы все! Горите вы все синим пламенем! Мне-то что? И почему я должен вечно решать чьи-то проблемы? Мне что, в этой жизни больше всех надо, что ли? К черту! К чертовой бабушке! К чертовому дедушке!..
 - Тихо... – (испуганно). – Тихо! Тс-с!..
 - Что? – (озадаченно).
 - Вы слышите? Слышите?!
 - Ни фиги я не слышу.
 - Не может быть. Там, вверху. Шипение...
 - Ах, шипение... Это кометы.
 - Кометы?
 - Да, именно **кометы**. Доигрались. Я же вас предупреждал.
 - Кометы... Так скоро?..

...и как обычно было чертовски холодно. Вили забежал в подъезд, а Ныш и Тюка остались снаружи, как бы на стреме. «Ладно хоть сюда замок не врезали, – думал он, с чувством невероятного облегчения застегивая ширинку, – пописать человеку и то негде. А здесь ничего. На ночь можно будет сюда забуриться. Стекла на окнах целы, и батарея вроде бы греет. Все лучше, чем по подвалам околачиваться».

Когда он вышел обратно на улицу, Ныш уже куда-то исчез. Тюка стоял один и от нечего делать ковырял в носу острой сосновой щепкой. Отвесив ему затрещину, Вили вырвал щепку и, зашвырнув ее далеко в сугроб, потащил Тюку со двора. Тюка не сопротивлялся. По всей видимости, ему было абсолютно все равно, что происходит. Возможно, он даже не понимал, что все происходящее происходит именно с ним, Тюкой.

Миновав подворотню и выскочив на мостовую, Вили опустил его в канализационный люк, принял оттуда бутылку чего-то мутного, запечатанного сургучом, и, вернувшись на тротуар, медленно побрел в сторону гастронома. Тюку было немного жаль. За те несколько часов, что они провели вместе, Вили даже успел привязаться к нему. Хороший парнишка. Молчаливый и, что самое главное, совершенно бесхитростный. Нет, надо было просить за него больше. Продешевил. Ох, продешевил!

В отчаянии он всплеснул руками и едва не выронил зажатую под мышкой бутылку. Вовремя поймал, охнул и трясущейся рукой засунул ее поглубже в карман ватных штанов. «Вот так. Так-то лучше. Так-то надежнее. А Ныш – сволочь ползучая. Сразу было видно, что ничего хорошего от него не дождешься, но чтобы так сподличать!.. – Вили покачал головой. – Сбежал перед самым... А впрочем, ладно. За него и половину того, что стоил Тюка, не дали бы. Туберкулез, геморрой, вшивость повышенная... Черт с ним!»

Зайдя в гастроном, Вили направился напрямик к хлебному отделу. Быстрым шагом подойдя к прилавку, он нагнулся и с урчанием впился зубами в одну из булок, выложенных на нем. Продавщица охнула, очередь из семи человек, выстроившихся у кассы, охнула ей в ответ. Нисколько этим не смущаясь, Вили развернулся и, не выпуская булки изо рта, комично размахивая руками, бросился наутек. Несколько придя в себя, продавщица уже открыла было рот, чтобы поднять тревогу, но один из мужчин, стоявших в очереди, мягко ее остановил:

– Не надо. За булку я заплачу. – И, уже не скрывая восхищения, добавил: – Во дает! Твою мать, а!..

Никем не остановленный, Вили выскользнул из магазина и, засунув так бесцеремонно украденную булку поглубже за пазуху, заковылял вниз по улице. Все, что нужно для жизни, у него теперь было.

Темнело. С неба повалил снег. Начали зажигаться фонари. Благополучно разминувшись с милицейским патрулем, Вили свернул в небольшой скверик. Это было одно из его любимых мест. Как правило, сюда никто никогда не заходил. Выбрав скамеечку почище, он уселся на нее и, взломав на бутылке сургучную печать, присосался к горлышку.

Сивушная жидкость приятно обожгла глотку, разлилась по пищеводу и блаженным теплом наполнила все тело. Вили наслаждался. Разве может быть на свете что-нибудь лучше глотка этой божественной жидкости? Разве что-нибудь дает большее удовлетворение телу, приводя душу в такой восторг?! Нет! Если и существуют под этим небом подобные вещи, Вили о них ничего не известно. А раз неизвестно, значит, и нет ничего такого. Нету, и все! Он достал из-за пазухи теплую булку и с благоговением откусил от нее небольшой кусочек. Хорошо. Господи, до чего же хорошо!..

В дальнем конце сквера показалась фигура. Темный силуэт продирался сквозь снежную завесу и направлялся, по всей видимости, прямо сюда. Крайне пораженный таким поворотом событий, Вили замер. Настороженно пошмыгал носом, засунул булку обратно под телогрейку, подальше спрятал бутылку. Человек подходил все ближе и ближе.

– Сидим?

Это был мужчина лет сорока, прилично одетый, но какой-то уж больно помятый и заросший.

– Сидим?! – переспросил он, уже более настойчиво.

Вили неуверенно кивнул. Черт его знает, что от такого можно ожидать.

– Ну и правильно. И я присяду. – Мужчина действительно опустился на скамейку рядом с Вили и протянул ему широченную ладонь в черной кожаной перчатке: – Василий.

– Вили, – пискнул Вили, с собачьей осторожностью пожимая ее.

– Вилли? – не понял мужчина.

– Нет, просто Вили.

– Ну и хорошо, – ответил незнакомец после короткой паузы. – Хорошо. А я Вася.

Познакомились.

– Комету-то видал? – спросил мужчина, помолчав еще минуту-другую.

– Какую комету? – с испугом воскликнул Вили.

А про себя подумал: «Господи ты боже мой, только кометы мне сейчас и не хватало».

– Не знаю какую. Прилетела, говорят, какая-то. Была бы ясная погода, мы бы ее в момент отыскивали. А так, сам видишь, – он ткнул указательным пальцем в небо, – снежит.

– Снежит, – эхом отозвался Вили.

Ни с того ни с сего мужчина вдруг размахнулся и треснул Вили по морде.

– Снежит?! – в испуге заорал он и повторил эту нехитрую операцию еще раз.

Пискнув что-то нечленораздельное, Вили вскочил и бросился вон из сквера. Он неслся так, словно его ошпарили кипятком, неслся, ничего и никого вокруг себя не замечая. А мужик и не собирался пускаться за ним в погоню. Едва Вили исчез, он встал и как ни в чем не бывало зашагал в том же направлении, откуда пришел.

Впрочем, ничего этого Вили не видел. Свернув за угол, он пробежал узким темным переулком, с ходу проскочил какую-то подворотню и, только оказавшись в хорошо знакомом ему подъезде, остановился, чтобы перевести дух. Здесь он почувствовал себя в относительной безопасности. Уф, кажется, пронесло! Он похлопал по карманам, сунул руку за пазуху и с ужасом обнаружил, что булка, к которой он успел так привязаться, исчезла.

В первое мгновение им овладел страстный порыв. Ему захотелось сейчас же, сию же минуту, броситься назад, чтобы по горячим следам найти, подобрать, вернуть потерянное! Но это только в первое мгновение. Второе мгновение принесло с собой воспоминание о страшном Васе, а третье – твердую уверенность в том, что никакой булки ему, в принципе, и не надо.

– Бог с ней, в самом деле. Что я, без булки, что ли, не проживу?..

И, бормоча под нос что-то утешительное, Вили полез под батарею. Сухое тепло обволакивало его, принося с собой мир и спокойствие. Вили засыпал. «Нет, – рассуждал он в полудреме, – пожалуй, там, в сквере, я был не прав. Лучше глотка сивухи может быть теплая батарея...»

Сон наваливался на него. Но прежде чем его глаза окончательно сомкнулись и он провалился в небытие, каким-то боковым зрением Вили заметил в противоположном углу лестничной площадки нечто не совсем обычное. Прямо из бетонного пола, сияя и переливаясь, вырастали кристаллы. Продолговатые прозрачные камни правильной геометрической формы, шипя и разбрызгивая в разные стороны огненные искры, вытягивались и увеличивались в размерах, словно живые.

«Вот ни хрена себе!...» – только и успел подумать Вили.

В следующее мгновение сон окончательно раздавил его и все существующее превратилось в ничто...

...когда он проснулся, было еще темно. С наслаждением потянувшись, Вили нажал кнопку звонка и, бодро соскочив с кровати, пробежался по комнате. Сам раздвинул тяжелые портьеры на окнах, сделал несколько упражнений. Через минуту в дверях появился Симон.

– Кофе, господин Вили, – сообщил он, полусонно расшаркиваясь и осторожно устанавливая поднос на столик рядом с кроватью.

– Ага! – Вили хлопнул в ладоши и потерял их одна о другую. – Что с факсом из Каира?

– Еще не было, господин Вили. Задерживается.

– Ага-а... – Вили нахмурился. – Ладно. Спасибо, Симон. Можете идти.

Все еще пошатываясь со сна, старик вышел.

Вили посмотрел на часы. 7:36. Рановато. Впрочем, ничего. Это даже лучше. Целых полчаса в запасе. Он быстро выпил кофе и, насвистывая что-то веселое, побежал принимать душ. В 8:17 он уже сидел на заднем сиденье своего «континенталья».

– Как спали, господин Вили? – осведомился шофер.

– Спасибо, нормально.

Вили поморщился. «Уволить, что ли, этого недоумка? – рассеянно подумал он. – Какое его собачье дело, как я спал?»

– Про комету слышали?

– Какую еще комету, что ты несешь?

– Не знаю какую. Прилетела, говорят, какая-то. Примета есть такая, что если...

– Галактион, да? – перебил его Вили. – Подними стекло и смотри на дорогу. Хватит болтать, не такси ведешь.

– Прошу прощения, господин Вили, – спохватился водитель. – Виноват.

Он нажал кнопку на передней панели, и стеклянная перегородка, отделяющая его от салона, медленно поползла вверх. Вили потянулся, зевнул и достал из внутреннего кармана пиджака небольшую коробочку.

– Комета... – весьма добродушно пробормотал он. – Совсем народ обалдел...

В коробочке лежали кристаллы. Прозрачные продолговатые камни, переливающиеся в полумраке всеми цветами радуги. Лицо Вили расплылось в блаженной улыбке. Что это были за камни, он толком не знал. Да и на кой это нужно – **знать**?! Цена, о которой он договорился с покупателем, его вполне устраивала, а все остальное не имеет никакого значения.

Кристаллы сверкали.

Аккуратно закрыв коробочку, Вили убрал ее обратно в карман.

– А ты говоришь, комета... – бессмысленно пробормотал он, зажмуриваясь от удовольствия.

Навстречу ему вышел сам господин Инк.

– Здравствуйте-здоровствуйте. Очень приятно, – весь он так и рассыпался в приветствиях, – вы пунктуальны, как никто другой. Приятно иметь с вами дело.

Вили посмотрел на часы. 9:07. «Действительно пунктуален, – подумал он с некоторым самодовольством. – Пожалуй, даже чересчур. Надо было опоздать минут на двадцать – тридцать».

– Привезли? – Инк замер в выжидательной позе.

– Разумеется. – Вили не удержался и положил в его раскрытую пасть лимонную дольку. – Вот.

Он достал коробочку и аккуратно опустил ее на стол. Медленно пережевывая лимон, Инк так же аккуратно взял ее в руки, приоткрыл и даже взвизгнул от удовольствия. Изжеванная лимонная корка вылетела у него изо рта и, описав дугу, благополучно приземлилась на соседний столик.

– Скажите, – поинтересовался Вили, – это ваш ресторан?

– Нет. – Господин Инк закрыл коробочку и опустил ее в карман своего фартука. – Это ресторан моего босса.

– Интересно, кто же **вы** такие? – как бы в задумчивости пробормотал Вили.

– Вот чек, – Инк аккуратно выложил на стол белый прямоугольный конверт, – восемь с половиной, как договаривались.

– Нет, а кто **вы** все-таки такие?

– Неважно. Этот ресторан наш. Кушайте. Сегодня мы вас угощаем.

– Ладно. Не хотите отвечать, не надо. Сам все узнаю.

Вили забрал чек. «Восемь кисленьких, – пела его душа, – восемь кисленьких, кисленьких-зелененьких...»

Господин Инк исчез так же незаметно, как появился.

«И очень хорошо! – подумал Вили. – И очень это даже кстати...»

Все его существо охватил какой-то сумасшедший восторг. Сегодняшняя сделка была самой крупной из всех, которые он когда-либо проворачивал. Самой крупной и самой легкой. Черт побери, теперь факс из Каира ничего не решает! Теперь диктовать условия буду я! **Я!**..

– Господин Вили, – к столику подошел официант, – вас к телефону.

– К какому телефону? – не сразу понял Вили.

– Пойдемте. Я провожу.

– К телефону?.. Не надо, я сам.

Он встал и направился к заднему выходу.

– Дверь налево, – донеслось ему вслед.

Пустое помещение. Коридор, освещенный несколькими неоновыми лампами. Поворот...

«Странно, почему не позвонили на трубу?..» – промелькнуло у него в голове.

А уже в следующее мгновение он получил по этой самой голове тяжелым тупым предметом (возможно, обыкновенной совковой лопатой).

Очнулся Вили со смутным воспоминанием чего-то приятного и невероятной тяжестью в области затылка. Со всех сторон его окружала темнота. Поза, в которой он себя обнаружил, показалась ему не совсем естественной. Точно сказать было нельзя, но создавалось такое впечатление, что его сложили втрое, а то и вчетверо, после чего тщательнейшим образом утрамбовали. Вили попытался пошевелиться, и сию же минуту голова дала о себе знать острой пронизывающей болью.

– Что за?! – простонал он и только тут почувствовал тошнотворный запах.

Воняло помойкой и пищевыми отходами.

Не обращая внимания на боль, он собрался с силами и распрямился:

– Что за?..

У него начался приступ истерического смеха.

Стоял морозный солнечный день. Вили торчал, по пояс высываясь из мусорного бака, и хохотал. Из одежды на нем сохранились только носки, трусы и, как ни странно, галстук. Все остальное бесследно исчезло.

Исчез и чек на восемь с половиной миллионов долларов. Исчез и сам Вили. Прежний Вили.

Он перевалился через край контейнера и, дрожа всем телом, заковылял прочь, сам не зная, зачем и куда идет. Вывернув из подворотни на улицу, он слился с людским потоком. Электронное табло над проходной завода высвечивало 12:31. Время, когда обычно Вили находился на теннисном корте...

...очнулся он только на перекрестке у светофора, едва не попав под машину.

– Ты что, придурок, совсем охренел?! – заорал водитель, высываясь из окна и показывая Вили кулак. – На тот свет захотел, идиот недоделанный?..

Вили безмолвствовал. Таким незначительным и бессмысленным показался ему этот инцидент по сравнению с тем, что творилось сейчас в его голове. «Что ему от меня нужно? – с удивлением подумал он. – Чего он так разорался?..» Дико озираясь, он перебрался-таки на противоположную сторону улицы и тут же снова погрузился в свои размышления.

Вечерело. Вили медленно брел по тротуару, то и дело натываясь на прохожих и ежеминутно извиняясь. «Счастье, – думал он, – что такое счастье? Нечто абстрактное, эфемерное, желаемое всеми без исключения и недостижимое в чистом виде практически ни для кого... Счастье – это не то, что тебя окружает, а то, как ты воспринимаешь данное окружение. Человек может быть счастлив только в том случае, когда его внутренний мир находится в гармонии с миром внешним».

– Вот что такое счастье! – воскликнул Вили вслух и сию же минуту провалился в открытый канализационный люк.

К счастью, внизу не оказалось ни острого металлического штыря, ни задвижки на сто пятьдесят, ни какого-либо иного подвоха. Случись там нечто подобное, и даже страшно подумать, чем могла бы закончиться для него эта прогулка. Слава богу, все обошлось. Через пару минут он уже показался наружу, весь перемазанный грязью, но сохранивший на лице блаженную улыбку.

– Как слетали? – услышал он голос.

– Спасибо, нормально.

Вили задрал голову. Прямо над ним стоял человек. Мужчина лет пятидесяти, прилично одетый и с весьма добродушным, пожалуй, даже чуть простоватым лицом.

– Помочь? – учтиво осведомился он.

– Был бы вам весьма признателен.

Вили ухватил его за руку и, кряхтя, выбрался из люка наверх.

– Огромное вам спасибо! Вили, – представился он.

– Змеев Николай Петрович, – улыбнулся мужчина. – Давайте закроем это крышкой, пока еще кто-нибудь туда не загремел.

– Давайте.

Они ухватились за плоский металлический блин и аккуратно опустили его на место.

– Ну вот, теперь порядок.

– Ага. – Вили достал расческу, повертел ее в руках и за ненадобностью выбросил в урну. – Полный порядок.

– Простите, – осторожно поинтересовался мужчина, – вы сказали, вас зовут Вили?

– Да. Забавное имя, правда?

– Нет, отчего же... – Николай Петрович выпрямился и поскреб правой рукой свой гладко выбритый подбородок. – Просто мне показалось, что где-то я его уже слышал.

– Не представляю, где вы могли его слышать. Разве что в скандинавском фольклоре.

– Вот как?! – обрадовался Николай Петрович.

– Вили – это один из трех богов, помимо Ве и конечно же Одина, которые убили великана Имира, хаотическую силу, и создали из его тела весь этот мир.

– О-го-го!.. – пробормотал мужчина почтительно.

– Смею вас заверить, – поспешил добавить Вили, – что ни к одному из этих богов, а равно и к поверженному ими великану лично я не имею ни малейшего отношения.

– Совпадение? – удивился Николай Петрович.

– Возможно. Хотя сам я склонен считать, что это тонкий намек.

Помолчали.

Вили веточкой соскребал с себя грязь, налипшую на него в канализационном колодце, Змеев просто стоял рядом.

– Скажите, – не выдержал он, – как на ваш взгляд, зачем все это?

– Что это? – не понял Вили.

– Ну, это! – Николай Петрович обвел рукой пространство вокруг себя. – Зачем ваши боги убили великана и создали из него мир?

– Зачем?.. – Вили растерялся. – Ну... не знаю зачем. Создали, и ладно. И очень хорошо. Захотелось им сотворить что-нибудь эдакое... – Он щелкнул пальцами. – Взяли и сотворили. На то они и боги.

– Ну, хорошо, им захотелось побаловаться, а мы-то тут при чем? Они, видите ли, убивают кого ни попадя, а мы из-за этого мучайся!

– Что-то я вас не понимаю. Вы что, недовольны тем, что вам дали жизнь?

– Нет, – голосом обиженного ребенка ответил Змеев, – этим я доволен. Меня раздражает другое.

– Что же, если не секрет?

– Ответьте мне, почему я должен жить, не имея ни малейшего представления, зачем я живу, и что мне в этой жизни делать? Разве это по-божески – преподнести в подарок такую дорогую игрушку и не удосужиться объяснить, как эта игрушка заводится и как ею следует играть?

– А-а... – Вили прищурился и погрозил Николаю Петровичу пальцем, – вона вы как все перевернули. Вам, значит, надо все на блюдечке поднести, в рот положить, да еще и разжевать за вас. Не выйдет, товарищ дорогой! Не получится!! Сами должны искать, сами до всего додумываться. Для этого вас человеком и сделали, для этого вам в голову и положили мозги, а не просто, извините за грубость, насрали.

– Но как же свобода? – возмутился Змеев. – Где же справедливость?!

– Вот она, – Вили повторил жест Николая Петровича, то есть очертил в воздухе вокруг себя полусферу, – смотрите и внимайте.

– А если не внимается? – Змеев вытаращил глаза.

– Невнимательно смотрите, вот и не внимается, – буркнул Вили. – Вам хочется знать, в чем смысл жизни? Так вспомните, что правильно поставленный вопрос уже сам по себе содержит ответ!

– Бе-ли-бер-да-а, – козлиным тенорком проблеял Змеев. – По-вашему, получается, что **смысл** жизни в самой жизни?

Вили сложил на груди руки и с важностью подвигал нижней челюстью.

– Прежде, – сказал он, – нужно ответить на вопрос: а что же такое **жизнь**, в чем ее суть?

– А-а... а в чем ее суть?

– А-а... а вот вы посмотрите вокруг себя внимательно, – передразнил его Вили, – и все увидите без посторонней помощи. Что вы видите везде и во всем?

– Движение? – неуверенно пискнул Змеев.

– Движение! Но не просто движение, а целенаправленное. Обратите на это особое внимание, **целенаправленное** движение! А вот от чего к чему... Думайте сами. Я и так вам уже слишком много сказал. Думайте!

Вили круто развернулся и заковылял прочь.

Остановился, вернулся назад и, немного конфузясь, пробормотал:

– А за то, что помогли мне выбраться из ямы, огромное вам спасибо.

– И вам спасибо! – восторженно завопил Змеев, хватая Вили за руку и тряся ее изо всех сил, словно намереваясь оторвать и утащить с собой. – Огромное спасибо! Вы тоже помогли мне выбраться из ямы. Только моя яма была несравненно глубже, чем этот милый канализационный колодец. Спасибо!

В десяти метрах от них остановился автобус.

– Семерка. О, это мой! – заорал Змеев. – Прощайте, дорогой друг, прощайте. Надеюсь, еще увидимся.

И со всех ног бросился к остановке.

– Только не падайте больше в открытые люки! – крикнул он уже с подножки автобуса. – Шею себе свернуть всегда успеете.

– Ладно, – пообещал Вили, – постараюсь не падать.

Он поднял воротник пальто, засунул руки поглубже в карманы и побрел дальше, внимательно глядя себе под ноги. «Вот, – с улыбкой думал он, – как приятно пообщаться с умным, образованным человеком. Очень приятно. О!...»

Не заметив торчавшей из стены дома железной трубы, он на полном ходу стукнулся об нее лбом и еще с полметра своего пути проделал уже на спине, в процессе свободного скольжения по ледяной поверхности тротуара.

– Очень приятно! – выразительно повторил он, поднимаясь на ноги и потирая рукой здоровенную шишку на лбу. – Очень!..

...сидели и смотрели на проходящих мимо людей. Молчали. Молчали довольно долго, но, как ни странно, никакого напряжения, обычно сопутствующего столь продолжительному безмолвию, не возникало. Шел снег. Жирные влажные хлопья медленно опускались на землю, производя при этом едва заметный, но все же отчетливо воспринимаемый звук. Что-то среднее между шипением и шуршанием. Народу на улице было немного. «Забавно, – подумал Вили, – почему, когда идет снег, человечество словно вымирает?»

– Безмолвие, – отозвался Лайт, – никто не хочет нарушать этого фантастического безмолвия.

Вили благодарно кивнул. На душе было тепло и спокойно. «**Ровное**, – почему-то подумал он, – ровное и **стабильное**...» И в этом Ровном и Стабильном рождалось понимание чего-то грандиозного и вечного. Даже не понимание, а скорее ощущение. Чистое восприятие, если так можно выразиться.

– Ну, и на кого они похожи? – снова нарушил молчание Лайт.

– На кометы, – не задумываясь, ответил Вили. – Или на бабочек... Нет, именно на кометы!

Лайт добродушно засмеялся. Почувствовав в этом смехе вопрос, Вили поспешил пояснить свою мысль:

– Как кометы, движутся они по замкнутой траектории, тщетно силясь вырваться за пределы своего обыденного восприятия, и каждый раз, снова и снова, возвращаются обратно, удерживаемые невидимыми, но от этого не менее реальными силами своих страстей, желаний, бессознательных импульсов...

– Везде должен быть свой особенный центр, вокруг которого все и вертится, – хитро прищурившись, заметил Лайт.

– Везде, – согласился Вили, – если только ты сам не являешься этим центром.

– Центр Восприятия! – Лайт рассмеялся. – Звучит припохабненько. Все зависит от того, с какой точки зрения на это взглянуть. Очень может статься, что именно Земля является центром Вселенной, а все, что не в нас, лишь плод нашего воображения.

Вили поморщился.

– Кометы, – твердо повторил он. – Люди – это кометы. А Центр Восприятия – величина сугубо индивидуальная, и никакого отношения к объективной реальности она не имеет. Разве что самое отдаленное.

Лайт промолчал. Он был доволен. Он был очень доволен!

Мимо скамейки, на которой они сидели, прошла женщина. Прошла, остановилась неподалеку и взглянула на часы. По всей видимости, здесь у нее с кем-то было назначено свидание, но двор был совершенно пуст. Несколько минут она нервно ходила взад-вперед, затем развер-

нулась и медленно побрела прочь. Вили даже показалось, что он заметил слезы на ее щеках. Женщина свернула за угол и пропала из вида.

Снова стало пусто, но ненадолго. Из соседней подворотни вывернула шумная ватага и, описав по двору довольно замысловатую петлю, пристроилась под полуобрушившимся навесом у наглухо заколоченной боковой двери гастронома. Распив принесенную с собой бутылку, компания рассыпалась и исчезла, оставив после себя только пустую посудину и смятый пластиковый стаканчик. Минут через десять к подъезду подкатил милицейский фургон.

– Эй! – заорали из окна сверху. – Какого черта?! В соседний двор, в соседний!..

Хлопнула форточка. Зарывав, машина медленно поползла по дорожке, очевидно намереваясь обогнуть дом, чтобы попасть в соседний дворик.

– Поразительно, – задумчиво произнес Лайт, – как много здесь переплетено миров!

Вили и сам не раз замечал эту странность. Взять, к примеру, вот эту улицу. На первый взгляд ничего особенного, улица как улица. Но это только на первый взгляд. Стоит присмотреться внимательно, и тогда начнешь замечать, как... Грязный и унылый мир бродяг прекрасно сосуществует здесь бок о бок с миром уличных торговцев или сверкающим миром «новых русских». Разочарование, боль, предательство могут невероятнейшим образом накладываться на радость, веселье или восторженное чувство первой любви. А мир глазами ребенка. А мир человека, открывшего для себя прелесть алкогольного опьянения, а мир профессионального киллера... И все это – одна и та же улица, одни и те же предметы, одно и то же пространство в одном и том же временном измерении!..

– Кометы, – пробормотал Вили. – **Кометы!**..

– Разные уровни восприятия, – поправил его Лайт. – Чем более человек развит, тем более он восприимчив. И тем менее он зависим от Центра, вокруг которого вращаются все остальные. Комета могла бы перестать быть кометой, если бы сумела разорвать цепи притяжения и вырваться за пределы Системы...

– **Системы?!**

– Эй ты, Оргазм Роттердамский! – заорали откуда-то сверху. – Кончай базарить. Спать не даешь. Щас в милицию позвоню!

Вили встал и вышел со двора на улицу. «**Стабильное**, – думал он, – **Ровное** и **Стабильное**...»

Что дальше?..

– И сколько же раз вы получали по голове этой штуковиной?

– Сколько? Откуда я знаю, сколько? Много раз получал.

– Наверное, все по пьяни?

– Нет, отчего же, – (самодовольно), – и в трезвом виде не раз перепадало. А откуда вы такой любопытный, случаем, не из милиции?

– Нет! – (испуганно). – Боже меня упаси!

– Это хорошо. Тогда мы с вами можем найти общий язык.

– Один на двоих? Хорошо бы.

– Точно говорю, найдем!

– А в детстве вы не страдали рахитом?

– Ох, чем я только не страдал в детстве!.. А вот рахитом нет. Кажется, не было такого. Бог миловал.

– Ладно. Это, вообще-то, ерунда. Я вас совсем не о том хотел спросить.

– О чем же? Спрашивайте.

– Ответьте мне: вам никогда не приходилось видеть **животное**?

– Да каждый божий день вижу! С утра вроде бы смотришь – люди. А к вечеру приглядишься как следует и понимаешь: не-е, животные! И говорить по-человечьи не могут, мычание одно, и на ногах еле держатся...

– Я вас серьезно спрашиваю, – (не скрывая раздражения), – вы **настоящее животное** видели?

– Ну, видел, – (обиженно). – И пошутить уж нельзя.

– Прекрасно! И чем же, по-вашему, животное отличается от человека?

– Чем-чем... да ничем! Единственная разница, что у человека две ноги и нет перьев.

– А еще?

– А что еще? Водки животное не пьет, табаку не курит...

– Так, так, – (поощрительно), – дальше, пожалуйста. Ведь можете же, когда захотите.

– Да отвяжитесь вы от меня! Что вы ко мне пристали? «Спой да спой»!

– Скажите, а может животное пойти в кино или насладиться чтением книги?

– В кино, пожалуй, и может, если билетерша у входа заснула. А вот книгой вряд ли.

– Нет, это невыносимо! Вы что, терпение мое испытываете, что ли?!

– Ничего я не испытываю. Тоже мне, нашел испытателя. Сами лезете ко мне с каким-то животным, а потом меня же и обвиняете непонятно в чем. Я ведь так и обидеться могу.

– Что-о?! – (угрожающе).

– Ничего! – (без тени смущения).

– Для вашей же пользы стараюсь, а вы...

– А кто вас просит для меня стараться? Сидите себе спокойно и не суйте нос во все дыры.

Без вас тошно.

– Э-эх, темнота! – (со вздохом). – Ну ладно, ладно. Простите меня, пожалуйста.

– Черта с два! Не прощу.

– А ведь любая ситуация в жизни носит конфликтный характер. Вы не находите?

– Я?! С какой это стати?

– Извините, если чем-то расстроил вас, но мне показалось... Мне показалось, что...

Иван Хлюпов. Саис, ноябрь 1997 г.

Пандора

...банк не единственная и не самая большая из моих идей...

Джон Ло

«ВЕЧЕР...»

Прежде чем пойти в Контору, Иван Петрович решил забежать в столовую подкрепиться. Силы его уже полчасика как иссякли, поэтому пожрать сейчас было жизненно необходимо. Небрежно швырнув толстую кожаную папку на свободный столик, он подошел к окошечку и заказал себе полтора стакана индийского чая.

– Ждите, – буркнула толстая женщина в грязном халате, – сейчас принесут.

– Ладно, – как можно равнодушнее отозвался Иван Петрович, – подожду.

И, вернувшись за свой столик, принялся ждать.

На принесенную ему еду он накинудся с жадностью. Шумно чавкал, издавал непотребные внутриутробные звуки, громыхал вилкой.

– Мань, ты только посмотри, – шепнула женщина на раздаче своей напарнице. – Во мужик дает!..

Со стороны могло показаться, что у Ивана Петровича не две и даже не четыре руки, а шесть или восемь. Это делало его очень похожим на прожорливое индийское божество. Кроме того, свою длинную прямую бороду (которая, что тоже весьма примечательно, росла у него прямо из-под носа, минуя подбородок) Ивану Петровичу пришлось разделить надвое и заправить за уши, что делало всю картину еще более гротескной и пугающей. Иначе кушать он просто не умел.

– Ну и ну! – покачала головой вторая раздатчица. – Ну и ну...

Покончив с едой, Иван Петрович встал из-за стола, взял свою папку и отправился туда, куда ему было нужно, – в Контору.

– Здравствуйте, – пророкотал он, вваливаясь в приемную, – это опять я.

– Вижу! – испуганно вскрикнула секретарша. – Товарища Авзалова нет. И не будет. Нет!..

– А вот я сейчас сам проверю, – ехидно отозвался Иван Петрович и прошмыгнул в кабинет прежде, чем девушка успела что-либо предпринять.

– Нету! Нету! – в истерике продолжала она причитать. – Нету Авзалова...

Но было уже поздно.

При виде Ивана Петровича первым желанием господина Авзалова было нырнуть под стол. Весь он съежился, лицо у него побагровело, а уши нервно зашевелились.

– Опять вы!.. – простонал он. – Товарищ Кузнецов, ну сколько раз вам можно повторять? Не нуждаемся мы в ваших изобретениях, и ваши сумасшедшие идеи нам не нужны. Понимаете вы русский язык или нет? Не нужны!

Нисколько не смущаясь таким приемом, Иван Петрович проворно пересек кабинет и деловито уселся на стул прямо напротив товарища Авзалова.

– Вот, – он швырнул папку на стол, – это то, что сделает вас богатым и счастливым, а мне принесет мировую известность.

Лицо у господина (...или товарища?..) Авзалова стало совершенно сизым.

– Как все гениальное, – излагал Иван Петрович, – идея моя необычайно проста. В нашем городе имеется двести сорок один маршрутный автобус. Циркулируют эти автобусы по улицам, возят пассажиров, но пассажир-то нынче пошел наглый. Мало того что он пользуется обще-

ственным транспортом в своих личных, я бы даже сказал корыстных целях, так еще этот самый пассажир и проезд оплачивать не желает.

– Да ну? – удивился Авзалов.

– Да! – сказал как отрезал Иван Петрович. – А контролеров у нас не хватает, сами знаете. Как выкарабкаться из сложившейся ситуации? – Он многозначительно поднял указательный палец. – Да очень просто! У нас не хватает контролеров **зрячих**, но кто сказал, что для этого дела не годятся контролеры **слепые**?!

– Нет, нет! Я не сумасшедший!.. – орал Иван Петрович, когда двое в камуфляжной форме выволакивали его из кабинета. – У нас в городе почти семь сотен слепых, я наводил справки. Вы только подумайте, какие здесь открываются перспективы. Достаточно ввести проездные билеты с азбукой Брайля, и все! «Зайцев» как не бывало...

– Вон его отсюда! Во-он!! – верещал Авзалов и колотил кулаком по столу, нагоняя страху.

– Да погодите вы, – вяло отбивался Иван Петрович, – дайте хоть папку взять. В ней же документы...

Под общий хохот сотрудников его вытащили на крыльцо и спихнули в сугроб. Папку с документами вынес ему сам господин(!) Авзалов. Вернее, не вынес, а вышвырнул в форточку.

Весь вечер Ивану Петровичу было тошно. Его тошнило и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Он ублевал коврик перед своей дверью, ублевал всю прихожую и даже (как только умудрился?) наблевал в заварочный чайник. Впрочем, все это внешне. На душе же у него было еще пакостнее.

– Обидно! – восклицал он, заламывая руки. – Обидно, что такой талантливый человек, как я, никому не нужен.

В половине десятого вечера в дверь к нему постучали.

– Здравствуйте! – На пороге стояли два молодых амбала в малиновых пиджаках и воротили носы (очевидно, от запаха свежей блевотины). – Вы тот самый Кузнецов и есть? – поинтересовались они.

– Да... Наверное... – неуверенно переминаясь с ноги на ногу, отвечал Иван Петрович, хорошенько еще не зная, тот он самый Кузнецов или не тот.

– Мы пришли по поводу ваших **замечательных** изобретений, – сообщили молодые люди. – Вы чрезвычайно (чрезвычайно!) замечательная личность, а потому позвольте сделать вам небольшой презентик.

И с этими словами один из пришедших отсчитал Ивану Петровичу полтора миллиона рублей.

– Но за что?! – почти в испуге вскричал тот.

– Считайте нас вашими спонсорами, – успокоили его неожиданные визитеры.

И Иван Петрович успокоился. Папку, с которой он не расставался даже ночью, предпринимчивые молодые люди унесли с собой.

«Полдень...»

Все утро Иван Петрович шатался по городу, но тоска, овладевшая им еще со **вчерашнего вечера**, упорно не желала его покидать. Он пробовал пить вино, пробовал курить анашу, наголо постригся и даже сбрил бороду, но все напрасно.

Ровно год прошел с тех пор, как папка с его идеями была похищена, а сам он оказался окончательно предан забвению. Теперь ему было известно, что люди, так нагло обманувшие его, являлись руководителями коммерческой фирмы «Сын & Пасынок». Неоднократно

пытался попасть он туда на прием, но ни Сын, ни Пасынок (...*вот бы узнать, кто из них кто!*...) определенно не желали иметь с ним ничего общего. Увы, только теперь он понял, какую в свое время совершил глупость.

Только теперь!

На автобусной остановке к нему подошел человек. Маленький плюгавый мужичонка, невероятно подвижный и внешне очень похожий на муху.

– Нет, вы слышали, что делается?! – возбужденно заорал он прямо в лицо Ивану Петровичу. – Это поразительно, но это факт! Их молекулярный реактор работает! Работает!!

Ивана Петровича передернуло.

– Конечно работает, – сердито ответил он, – с чего бы ему не работать?

– Но это же противоречит здравому смыслу, это же... Это же вопиющее нарушение второго закона термодинамики! Этого просто не может быть!..

Поперхнувшись слюной, Человек-Муха замолчал.

– Это противоречит не здравому смыслу, а вашим представлениям о здравом смысле, многоуважаемый коллега, – начал было Иван Петрович, но потом передумал и сказал: – Нет, коллегой я вас называть не хочу. Это не только глупо, но и опасно. Своим коллегой я мог бы назвать господина Больцмана, который пытался втолковать **вашим** коллегам, что пресловутый «второй закон» опровергается самой природой. И что же вы с ним после этого сделали? Вы довели беднягу до ручки! Нет, какой вы мне, к чертовой матери, коллега?!

– Послушайте, – горячо возразил Человек-Муха, – а почему, собственно говоря, я должен вам верить? Если изобретение реактора ваша заслуга, то при чем здесь Сын с Пасынком?

– Они, – Иван Петрович всхлипнул, – они... украли мое изобретение. Эти подлые негодяи, они...

– Хорошо, – попытался успокоить его мужчина, – я готов поверить вам, но при одном непременном условии. Объясните мне, как возможно невозможное? По какому принципу работает этот чертов реактор?! Ведь если изобрели его действительно вы, то...

– Эффект двух капель! – не своим голосом заорал Иван Петрович, размазывая по лицу слезы. – Капните рядом две капли воды – большую и маленькую. Сначала их температура будет абсолютно одинаковой, но очень скоро маленькая капля начнет испаряться, притягиваясь к большой и конденсируясь на ее поверхности. При этом температура среды вокруг большой капли вырастает! Как видите, процесс переноса тепла от одного тела к другому происходит самопроизвольно, в любом направлении. Вот так! – с пафосом подытожил Иван Петрович. – Я опроверг второй закон термодинамики и изобрел «perpetuum mobile»!..

– Не может быть! – Человек-Муха стоял с распахнутым ртом и дико вращал глазами. – Демон Максвелла – это же демон Максвелла!

– Не знаю, при чем здесь Максвелл, – ответил Иван Петрович, высокомерно почесывая лысину. – В основу **своего** реактора я положил принцип, согласно которому капли воды испаряются тем интенсивнее, чем они мельче. Процесс, обеспечивающий круговорот воды в реакторе с интенсивностью один кубометр в секунду, позволяет снимать мощность до двух с половиной миллионов киловатт одновременно по теплу и холоду. А ведь это, как вы сами понимаете, мощность крупной электростанции! И заметьте, без затрат энергии извне, без какого бы то ни было загрязнения окружающей среды!

– Да что **это**?! – не унимался Иван Петрович. – Я могу научить вас, как использовать энергию суточного колебания температуры окружающего воздуха или же энергию перепада атмосферного давления. Соедините термометр или барометр, механические часы и электри-

ческий генератор вместе, и вот вам еще один «вечный», а точнее даровой двигатель. Да мало ли что еще можно придумать! Беда в том, что никому мои изобретения не нужны. – Он вдруг помрачнел и насупился. – Были не нужны. А теперь эти мерзавцы обворовали меня.

– Поздравляю вас, коллега! – Мужчина схватил Ивана Петровича за руку и принялся изо всех сил трясти ее. – Позд-рав-ля-ю! Ваше открытие произведет переворот не только в науке. Что там наука, изменится вся наша жизнь, все наше общество! Поздравляю!

Иван Петрович вырвался и, оставив Человека-Муху в полной растерянности, убежал прочь.

Остаток дня он шатался по кабакам и пил водку. Когда же к вечеру, больной и опухший, Иван Петрович воротился домой, у двери квартиры его поджидал сюрприз. Семеро человек, представившиеся особой Ученой делегацией, вручили ему почетный диплом и приглашение на Специальную Ученую конференцию, где именно ему, Кузнецову Ивану Петровичу, должны будут присвоить докторскую степень и сразу после этого послать на другую, еще более Ученую конференцию в город Париж.

– Спасибо, большое вам спасибо, – бормотал сквозь слезы расчувствовавшийся Иван Петрович. – Я всегда говорил, что есть Бог на небе. Да, многоуважаемые коллеги, несомненно, есть!

Коллеги его не перебивали. Этот вечер запомнился Ивану Петровичу как самый волнующий в его жизни.

«Раннее утро...»

Из здания Университета Ивана Петровича выставили. И не просто выставили, а выставили со скандалом.

– И чтоб духу твоего здесь больше не было! – бесновались ученые на крыльце. – Недоучка! Деревенщина!!

– Псих недоделанный! – вторили им из окон студенты. – Гений с макаронной фабрики!..

«При чем здесь фабрика? – недоумевал Иван Петрович. – И почему именно с макаронной?..»

Он долго бродил по улицам, заглядывая в лица прохожих, но все его усилия были напрасны. Никто не обращал на него никакого внимания. **Его не узнавали!** И именно безразличие со стороны неизвестных ему людей казалось ему в эту минуту особенно оскорбительным.

– Сволочи! – восклицал он в сердцах. – Всех бы поубивал, будь моя воля.

Но именно **воли** у него уже давно не было.

В Парке культуры и отдыха, куда занес его случай, Ивана Петровича страшно перепугали. Какой-то ненормальный узнал в нем изобретателя «самоходных ветряных машин» и с воплями: «Ага, да ты ж тот самый козел, из-за которого мы без работы остались!.. Стой, куда?!» – погнался за ним.

Делать было нечего, пришлось удирать. Но и удирая, Иван Петрович продолжал сохранять на своем лице гримасу обиды и презрения ко всему человечеству.

– Я гений, – попытался объяснить он, когда гнавшийся за ним мужик настиг-таки его и схватил за шиворот, – я всеми покинутый непризнанный гений!

– Гений?! – заорал мужик, которого эти слова только еще сильнее раззадорили. – А вот я те щас покажу, какой ты гений!

И он несколько раз ударил Ивана Петровича мордой об асфальт.

– Да в чем дело? Чего вам от меня надо? – Иван Петрович был близок к обмороку. – Отпустите меня немедленно, я не сделал вам ничего плохого!..

– Ничего плохого?! – не унимался мужчина. – Шас я тебе покажу ничего плохого!..

И только вовремя подоспевшая милиция спасла Ивана Петровича от неминуемой гибели.

Придя домой, он поставил на старенький проигрыватель свою любимую пластинку, лег на диван и стал ожидать смерти. Это занятие казалось ему таким естественным, а смерть представлялась настолько желанной, что, если бы не звонок в дверь, Иван Петрович, скорее всего, действительно умер бы.

– Здорово, Петрович. – На пороге стоял сосед по площадке. – Огоньку не найдется?

– «Огоньку»?.. – не сразу понял Иван Петрович.

– Огоньку. Совсем ты скоро рехнешься со своими машинами. – Сосед недовольно поморщил лоб и, указав пальцем на сигарету, торчавшую у него изо рта, добавил: – Спички кончились.

– Нет, – Иван Петрович виновато развел руками, – огня у меня нету.

– Дурак ты, Кузнецов, и уши у тебя холодные, – проникновенно, совершенно без злобы изрек сосед. – Все люди как люди, а ты сам не знаешь, чего тебе надо. Ну, посмотри на себя, совсем ведь доходишь.

И, покачав головой, он ушел прочь.

Усевшись посреди кухни на табуретку, Иван Петрович призадумался. «Может, кошку мне завести или собаку какую? – размышлял он. – Все не один, все веселее будет. Или, может, жениться, а? Заведу семью, детей, на работу устроюсь... Глядишь, дурь-то из головы и повыйдет. Оденемся мы с женой в черные джинсы, напялим на себя черные водолазки и пойдем по гостям гармонировать».

Он попытался представить себе эту картинку, но легче почему-то не стало.

«Нет, – решил он, – гармонировать это не то. И жениться не то. А что же все-таки делать? Ведь делать-то что-то надо, невозможно так дальше жить!..»

Почесывая подбородок, он вышел в коридор. В полной тишине, царившей в квартире, он без особого труда различил голоса, доносившиеся из-за стены.

– Кузнецов-то? Да дурак он, ваш Кузнецов, и больше ничего.

– Ну почему же сразу дурак? Человек-то он, если по совести, смысленый. И для города сделал немало, да и вообще... Личность знаменитая.

– А что он такого особенного сделал? Да ведь если разобраться как следует, все его идеи чушь, фантазия идиота! Бред сумасшедшего, не больше.

– Ну, уж прямо и все?

– Большинство. А что не чушь, так банальщина или посредственность. Нет, даже и не пытайтесь меня переубедить. Ничего особенного ваш Кузнецов собою не представляет.

Да и не представлял никогда...

Ближе к полуночи из квартиры Ивана Петровича повалил дым.

До смерти перепуганные соседи вызвали пожарную команду, но, как оказалось, никакого пожара на самом деле не было. Дверь в квартиру взломали и с удивлением обнаружили, что квартира совершенно пуста. Не оказалось в ней самого хозяина (хотя доподлинно известно, что из дома он никуда не выходил), не оказалось на месте мебели, не оказалось даже штукатурки на стенах и унитаза в уборной. Источником дыма служила маленькая латунная капсула, которую пожарные тщательно запечатали и под надзором милиции увезли с собой.

Иван Петрович бесследно исчез. Бесследно – в прямом смысле слова, так как не осталось от него ровным счетом ничегошеньки, даже воспоминаний. Словно и не жил такой человек на земле, словно и никогда не родился...

Иван Хлюпов. Саис, декабрь 1997 г.

Избранник

...человек всегда в сложной зависимости и чувствует себя свободным лишь потому, что благодаря долголетней привычке не ощущает своих оков...

Странник и его тень

...отпустив такси, Сергей достал сигарету, закурил и осмотрелся. Вход в парк находился на противоположной стороне улицы. Старинная чугунная ограда, полуразрушенная арка из красного кирпича. Асфальтовая дорожка и массивные облупившиеся скамейки. Очень, очень старый парк. Должно быть, ему лет сто, а может, и все двести. Сергей медленно пересек улицу. Решетка оказалась незапертой, и он без труда проскользнул внутрь. В парке было пусто. Ни одной живой души. Да и кому здесь быть, в такую-то рань?

Сергей шел не спеша. То тут, то там ему попадались опрокинутые урны, сломанные ветром ветки, обрывки газет, смятые стаканчики из-под мороженого. Толстый ковер сухих листьев приглушал шаги. Да, парк этот, без сомнения, уже давно никому не нужен. «Что ж, наверное, он этому только рад, – подумал Сергей. – Я бы, по крайней мере, был счастлив оказаться на его месте. Вообразить только, как это прекрасно: быть таким вот заброшенным, забытым и никому не нужным парком. Никому! Стоять себе, потихоньку разрушаться, умирать...»

Хотя почему обязательно умирать? Не умирать, а возвращаться в свое истинное, дикое состояние. Сначала все дорожки засыплет листвой, потом сквозь потрескавшийся асфальт начнут пробиваться молодые побеги. Как знать, возможно, лет через десять, глядя на буйно выросший лесок, никто и не вспомнит, что когда-то он был парком. Впрочем, нет. Скорее всего, через десять лет о парке никто не вспомнит совсем по другой причине. На этом месте будет стоять новый жилой комплекс или платная автостоянка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.